

НОВРУЗ НАДЖАФОГЛУ

НОЧЬ СМЫКАЕТ ВЕКИ...

Повесть

*Как в сердце западают чувства,
а в разуме отчеканиваются слова,
так, должно быть, и слух
помнит звуки и голоса...*

ВОСЛЕД ГЛАСУ В НОЧИ...

...Его разбудил протяжный громкий крик, словно гром разразившийся среди ночного безмолвия. Он подскочил и сел, обливаясь холодным потом. Густой мрак промозглой зимней ночи окутал комнату. Едва продрав глаза, он принялся нащупывать ночник на комод. Переключатель поддался, и вдруг яркий свет залил его покои, разогнав темноту. Он напряженно прислушивался, но пронзительный вопль, пробудивший его так неожиданно-негаданно, не повторился. Вокруг царило гробовое молчание. Тщетными оказались и попытки уловить, откуда исходил этот звук. Он подошел к окну и обвел взглядом двор, но вся округа безмятежно спала в кромешной мгле. Было так тихо, что отчетливо различались малейший шорох и шепот.

– Мир дремлет, как и мои чувства, – бормотал он, размышляя о чем-то своем. – Ночью донимают сны, а днем маешься от скуки... – Губы его скривились в усмешке. Кромешную тьму внезапно пронзали молниеносные вспышки, тихий, еле слышный шорох доносился среди бессловесной тишины. – Кто сказал, что тишина немая? Нет, она отнюдь не безмолвна...Порой она оглушает, бережит мысли... – твердил он еле слышно. Пресытившись тишиной, он зашагал по комнате. – Видимо, мне это померещилось или привиделось во сне. Не иначе, как приснилось, – убеждал он себя.

Он натужно пытался припомнить свой сон, но мысли разбивались вдребезги. Ничего не приходило на ум, кроме оглушительного крика. Нет, такое не могло окаяться сном, это наверняка происходило наяву. И крик доносился где-то совсем близко.

Захваченный мыслями, Габиб стоял в замешательстве посреди комнаты. И все-таки кто мог так истошно вопить среди ночи?... Он шагал из угла в угол в надежде вновь услышать этот пронзительный крик, подошел к окну, вперив взгляд в темноту. Он всматривался вдаль, словно надеясь разглядеть силуэт человека, нарушившего его покой, и, видно, собирался потолковать с ним о чем-то... Но голос по-прежнему не доносился, к тому же напрочь отпало всякое желание спать. Усталым взглядом обвел он мрачную обитель свою, но сон к нему всё не шел. Он снял жакет с вешалки и набросил на плечи. Незаправленная, спешно оставленная им среди ночи постель все еще хранила его тепло, но возвращаться в нее вовсе не хотелось. Вдруг он ощутил лому в коленях, заставившую его присесть. Он пододвинул табуретку и водрузил на нее усталые ноги. Вокруг по-прежнему было тихо. «А может, я стал туг на ухо», – подумал он и тут же принялся проверять слух. Сомнения развеялись – со слухом было все в порядке. Тогда кто же надрывно зывал к нему в ночи и почему не дает о себе знать? Он повел плечами, теряясь в догадках... Было совершенно очевидно, что звуки и слова лежат на разных полках памяти, да и воспринимаются по-

разному. «Слова льются из уст человека, а отзвуки, отражаясь от стен, летят обратно гулким эхо», – молчаливо размышлял он.

Мысли унесли его в прошлое. Разворошил он память и принялся перебирать воспоминания. Захотелось ему припомнить некогда слышанные оклики, отголоски и воркованья...

БОЯЗНЬ КЛИНКА

Отчего-то возникло перед глазами насупившееся лицо прозорливой, рукастой, но вечно хмурой и поганоязыкой старухи Гюльхар, острое жало которой кромсало паче лезвия, которым она умело орудовала. При воспоминании о ней дрожь пробежала по телу Габиба. Припомнился ее зычный, басистый голос и никогда не выпадавшая из рук трубка, которую она ловко набивала табаком худыми, морщинистыми руками, и, сгорбленная, понутив голову, сидела, утопая в непроглядном дыму, застилавшем ее и без того мрачное, суровое, наводившее ужас лицо. От одного ее голоса душа уходила в пятки. Бывало, как гаркнет: «Эй, кого там еще несет?!», и прохожий от неожиданности и ужаса застывал на месте, точно пораженный молнией.

Габиб вздрогнул и поёжился. Он судорожно осмотрел каждый угол, будто опасаясь, что зловещая старуха Гюльхар может затаиться где-то. От этой мысли потянулся клубок воспоминаний, возродивших в душе былые страхи и тревоги.

... В юности, как все мальчишки, Габиб любил озорничать с друзьями. Как-то он взбирался по косогору, торопясь на встречу с приятелями, и решил, не мудрствуя, пойти коротким путем, пролежавшим мимо хибары старой Гюльхар. Пытливое подростка одолевало желание увидеть ворчливую старуху, наводившую ужас на всю округу, с неизменной трубкой в зубах и в клубах окутывавшего ее с ног до головы табачного дыма. Это представлялось ему не менее интересным, чем встреча с приятелями. Поэтому Габиб решил срезать путь. Отчего-то вечно дымящаяся трубка старухи Гюльхар навевала ему мысли о вороных конях. Учитель его старшего брата, Аллахверди муаллим, предостерегая молодых, без устали твердил о вреде табака и его губительной силе, способной подкосить даже поджарого скакуна. В этом смысле старуха Гюльхар, не сломленная грудями выкуренного ею табака, казалась ему невообразимым силачом. Юношеское воображение рисовало несчастных лошадей, окочевших от едкого табачного дыма старухи Гюльхар. Она, по разумению Габиба, была крепче десяти скакунов вместе взятых.

Насвистывая, он шел по склону с длинной палкой в руке, призванной избавить его от назойливых провожатых – бродячих псов, подстерегавших у заборов и в терновых кустах. Он взбегал вверх, постукивая палкой по земле. Мало ли... Его, озорного мальчугана, не страшила встреча со свирепыми, кровожадно скалящимися псами. Он легко мог отогнать их или лихо всадить палку в зубы. Но в этот раз никто, даже дохлая кошка, не попался ему на пути. В тот день на веранде дома, по нескольку раз в год старательно обмазываемого глиной и аккуратного как внутри, так и снаружи, были, помимо самой Гюльхар, еще несколько женщин. Одна из них сидела лицом к окну и спиной к солнечному свету. Другая женщина приспустила ее кофту со спины и застыла, словно в ожидании чего-то, крепко, обеими руками, ухватившись за ее плечи.

В ту пору Габиб был несмышленым юнцом, поэтому возникшая перед глазами картина привела его в замешательство. Больше всего впечатлительного подростка поразила старуха Гюльхар с занесенным над спиной той самой женщины лезвием и бараньим рогом, который держала она наготове в другой руке. Впервые видел он зловещую старуху без трубки в зубах. На этот раз трубка ее дымилась в медной посуде чуть поодаль. Издали заприметив мальчугана, в глазах которого читался неподдельный интерес вперемешку со страхом, пожилая Гюльхар окликнула его своим

зычным голосом. Мрачная и пугающая, как ночь, эта женщина по шагам безошибочно определяла человека.

– Эй, ты, чего уставился, а ну, поди прочь, – взревела она, поняв, что Габиб с любопытством наблюдал за ее занятием.

Не терпевшая возражений, она уставилась на нежданного гостя, дожидаясь, когда он уйдет восвояси. Но Габиб явно не торопился. Любопытство пересилило его страх.

– Эй, зевака, не слышишь, что ли? Ступай своей дорогой, говорю!

– Гюльхар-нэнэ, ради всего святого, не гони меня! Что это у тебя в руках? Ты что, решила остричь эту женщину?

Гюльхар грозно подалась вперед и, взмахнув блеснувшим в ее руках клинком, воскликнула:

– Ты чего это удумал? Шутки шутить со мной решил? Ну, иди, иди, раз такой смелый, отсеку твой обрубок... Хочешь, освежу твою память... Не сердь меня, ступай подобру-поздорову, а то греха не оберешься...

Габиб пустился наутек, только пятки засверкали. Он неся без оглядки вниз по косогору. При виде раскрасневшегося, запыхавшегося сына мать Габиба взмолилась:

– Сынок, ты куда так спешишь? Споткнешься ведь...

Габиб стремглав пронесся мимо нее и взлетел на веранду. Охваченная волнением, мать последовала за ним.

– Сынок, что случилось? Что так напугало тебя? От кого ты бежишь, мой мальчик? Никак, на змею нарвался?

Габиб схватил кружку, висевшую на своем привычном месте, зачерпнул воды из ведра и тут же опрокинул кружку в рот.

– Я видел Гюльхар, – еле переводя дыхание, выпалил Габиб. – А она намного опаснее змеи... Представляешь, она взмахнула клинком и хотела расправиться со мной...

– Но почему? Что ты натворил?

– Ума не приложу. Я шел мимо, вдруг, гляжу, на веранде ее дома сидит какая-то женщина, а Гюльхар подбирается к ней со спины с клинком в руке. Я всего лишь поинтересовался, что она собирается делать. Мне показалось, что остригать несчастной волосы. Ты ведь сама говорила, что у стриженных женщин ума ни на грош... Вот я и спросил на свою беду... Она рассердилась, двинулась на меня, сверкая клинком...

При имени старой Гюльхар волнение охватило мать Габиба. Но последние слова сына развеяли ее беспокойство. Теперь она глядела на него с усмешкой.

– Ах, вот оно что... Так значит, та, которую ласково называл ты «нэнэ», теперь Гюльхар, да?

Мать рассказала Габибу, как все обстояло на самом деле. Оказалось, что некая женщина по имени Миная, захворав, обратилась к своей соседке Гюльхар – известной в округе целительнице, чтобы та пустила ей кровь и избавила от недуга. Вот зачем вооружилась Гюльхар клинком, так напугавшим Габиба. Сделав надрез, пускала она дым в бараний рог и прикладывала к месту надреза вместо сосуда, куда стекала мутная, черная, как смоль, кровь.

– Гюльхар полоснет по телу и глазом не моргнет. Вытянет грязную кровь, оботрет надрез тряпкой, да выкинет в сторонку, – говорили люди.

Несмотря на грозный вид, рука у Гюльхар была легкая. Тот, кто приходил к ней, быстро находил исцеление. Никому еще не причинила она вреда кровопусканием...

В какой-то момент Габибу почудилось, будто его разбудил среди ночи раскатистый хохот Гюльхар. Но он тут же понял, что не прав. Этого не могло быть, ведь никто никогда не видел даже тени усмешки на зловещем лице старой ведьмы. Неис-

товая к себе и окружающим, она никогда не улыбалась и злобно зыркала на того, кто позволял себе улыбнуться в ее присутствии. И взгляды ее были такими пронзительными, что кровь застывала в жилах. Нет, определенно это не могла быть Гюльхар. Умей она смеяться и не будь такой горемыкой, жители села, раскинувшегося на пологих южных склонах могучих гор, чьи вершины тонули в туманной дымке, были бы невообразимо счастливы.

Габиб слышал историю о том, как отец Гюльхар, изловчившись, на бегу располосовывал ревущего дикого кабана в лесной чаще и срывал с него шкуру на чарыки. Сходство было поразительное – Гюльхар, ловко орудовавшая клинком и едва не полоснувшая Габиба, была под стать своему отчаянному отцу.

Даже мужа заполучила она благодаря лезвию клинка. Те, кто не понаслышке знал о ее жизни, сказывали, будто до знакомства с Гюльхар ее избранник Сатулла подхватил сильное воспаление легких и наверняка бы помер, если б не она. Острый клинок Гюльхар спас его от верной смерти. Ей, недогнувшей рукой вонзавшей лезвие в тонкую, нежную женскую кожу, ничего не стоило полоснуть по мужской спине. Повалив могучего, коренастого Сатулла на землю, Гюльхар вспорола ему спину и, не внемля его стонам и воплям, напустила дыма из своей трубки в бараний рог и тут же приложила его к кровоточащему надрезу. Болезнь как рукой сняло. С той поры, вплоть до того, как во время Второй мировой бессовестно бросил он Гюльхар с пятью детьми, такими же бойкими и острыми на язык, как лезвие их матери, жил Сатулла припеваючи и в ус не дул. Под могучим, наводящим на людей ужас и исцеляющим клинком Гюльхар, некогда спасшим жизнь самому Сатулле, жил он беспечно и безмятежно.

Дрожь охватила тело Габиба, передернул он плечами, но тут же взяв себя в руки, глубоко вздохнул. Одним махом осушил он стакан воды, который еще с вечера положил на комод у кровати. Силы вернулись к нему, чуть полегчало.

– И с чего это вспомнилась мне среди ночи эта бедовая Гюльхар? Где я, где она... Не будь забот и хлопот, она бы еще пожила, но раскатистый, громогласный голос ее – ровесницы века – оборвался. Навсегда покинула она свою мазаную глиной хибару да острый клинок...

Габиб пытался воссоздать, выудив из своей звуковой памяти, зычный голос старухи Гюльхар. Нет, определенно голос, разбудивший его среди ночи, не походил на раскатистое «Эй, ты...», которым привычно окликала она прохожих...

СКЛОКИ АМАНЫ И НАЗГЮЛЬ

Припомнил Габиб спектакли, которые еще задолго до появления в их жизни кино и театра устраивали на всю округу разудалые Амана и Назгюль, как, не стесняясь в выражениях, честили они друг друга на глазах у прохожих. Две соседки грызлись по всякому поводу и без повода. Сама жизнь подкидывала этим воинственным женщинам лейтмотивы для ссор – то из-за воды, то из-за детей, а если не находилось ничего подходящего – из-за дворовых кошек и собак. Бранясь на чем белый свет стоит, вопили они, вцепившись в волосы друг другу, и шум-гам их докатывался аж до соседних сел.

В этот раз всё началось с упреков... Амана и Назгюль обвиняли друг друга в разглашении тайн соседской семьи. Не предвещавшие беды перешептывания по дорожке к роднику перешли в оскорбления и ор, а потом, по стародавней привычке, они впились друг в друга когтями. Разинув рты, обе соседки изрыгали ругательства и наверняка, не угомонись они на время, полетели бы в овраг вслед за налитыми доверху ведрами. Так уж повелось, что скандал между Аманой и Назгюль неизменно имел продолжение. Во втором акте этого спектакля выступали их мужья. Сколотив дружины единомышленников, разбивались они на два противоборствующих лагеря и,

подпоясавшись, вступали в бой, пустив в ход дубинки. Враждующие стороны колошматили друг друга изо всех сил, крики и вопли смешивались со звуками обрушивавшихся на чьи-то головы ударов. И тут было два возможных исхода – либо кому-то раскраивали череп, либо же слабая сторона, опасаясь всеобщего осуждения, заведомо принимала ряд «упреждающих» мер.

– Хосахан оклеветает вас, сторонитесь его! – выкрикивали представители одного из воинствующих лагерей. – Только щёлкнешь по башке этому рогносцу, как она расколется на части.

Камень за пазухой Хосахана всегда был наготове. Как только его соратники уступали в поединке, он, получив сигнал, доставал припасенный камень и опускал его на свою бестолковую голову. Вмиг лицо и одежда его заливались кровью. Весть о случившемся тут же облетала округу, будто несли ее в село, минуя дубасивших друг друга мужчин, ручейки крови Хосахана. Тут и наступал апогей всей этой кутерьмы. Сопровождаемая воплями и криками, весть об окровавленной голове Хосахана вихрем врывалась в село и, подобно шестеренке, приводила в движение тамошних женщин.

– Кровь! Кровь! Пролита кровь! Поскорее зовите Гюльхар! – вопили они во все горло.

Запасливая Гюльхар к тому времени уже держала наготове разогретый докрасна скребок...

Но в этот раз склоки Аمانы и Назгюль пошли не по накатанному сценарию. В первой части было всё, как обычно, – половина села истошно вопила в поддержку той или другой стороны, а другая половина с интересом наблюдала за происходящим. Но когда настала пора вступать в бой мужчинам, желающих участвовать в этом двухактном спектакле не нашлось. И напрасно нагревала Гюльхар свой скребок, – в этот раз он не нашел применения...

Раздосадованная Амана после стычки с Назгюль подобрала покорёженное ведро, рухнувшее во время ожесточенного спора с ее головы наземь, поплелась к роднику, кое-как наполнила его и засеменила к дому. Но склока все еще не утихла. Завернув каждая в свой двор, соседки продолжали ругаться, размахивая руками, но привычных верхних нот все же брать не решались, ограничившись середнячком. Конфликт, что называется, тлел на углях. Обычно разгореться с былой силой ему помогала поддержка мужа Аمانы – Сайада, но в этот раз Амана оказалась в гордом одиночестве. Она шастала по двору, рыскала по углам в надежде отыскать мужа, но он как сквозь землю провалился. «Видать, за холмом не услышал или на зверя какого напоролся», – утешала себя Амана. Но пройдя пару шагов, она издали заприметила Сайада, пристроившегося у забора и тихо-мирно беседовавшего с мужем своей обидчицы – Ширханом. Кровь ударила ей в голову, она взревела как иерихонская труба: «Ах, вот ты где, такой ты рассякой! Меня там оскорбляют, унижают прилюдно, а он тут расселся с мужем моей обидчицы и даже не думает заступаться. Ах ты проклятый! Чего нюни-то распустил... Нашел с кем болтать – с Ширханом... Какой ты после этого мужчина... Ах ты...»

Побоище с Назгюль было невинной ссорой по сравнению с оглушительной взбучкой, которую устроила Амана своему мужу. Раскатистым эхом прокатился по селу рёв Аمانы. Она вопила так, что земля дрожала... Сайад, не убоявшись фашистской пули прошедший без малого всю войну и вернувшийся героем с орденами и медалями за отвагу, а по возвращении домой сделавший матерью-героиней свою супругу, как сморчок, сжался перед грозным ликом своей ненаглядной Аمانы. Он виновато склонил голову, будто был пойман с поличным при совершении преступления. От волнения язык его прилип к небу, во рту пересохло, ком встал в горле. Не проронив ни звука, он поднялся и поплелся к дому под гневными взглядами и бранными словами Аманы. Всю дорогу к дому он жестами умолял Аману замолкнуть. Ширхан

оказался проворнее и сообразительнее своего соседа. Пока Назгюль не хватилась его, он смылся и не показывался на глаза...

Воспоминания киноленты пронесли перед глазами Габиба. В ушах звенели слова и выражения. Но вопль, разбудивший его среди ночи, не походил на крики, сопровождавшие склоки Аманы и Назгюль. Конечно, обе скандалистки использовали широкий диапазон звуков – от баса до фальцета, порой «пуская петуха», но того, что довелось услышать этой ночью Габибу, среди них не оказалось. Тот выкрик в ночи был ужасающе-чистым по звучанию, без фальшивых нот.

***

Но кто мог так истошно кричать среди ночи? Чей голос довелось услышать Габибу? Он ворошил память, как из ящика Пандоры извлекая оттуда всевозможные звуки и лица. На сей раз вспомнилась ему дородная тетушка Мяси, голос которой был под стать ее комплекции. Нет, все же фигура была грубее... Грубоватость форм старательно скрывала она под ворохом одежд, но если бы тетушка Мяси, следуя нынешним пискам моды, облачилась в брюки, она мало чем отличалась бы от мужиков. На худой конец ее приняли бы за безбородого мужика. Этой несчастной не повезло с самого рождения... Грубый, сиплый голос тетушки Мяси наводил ужас. И как только голосовые связки женщины могли выдавать эти металлические звуки?! Когда сетовала она на жизнь или причитала и охала, окружающие поневоле затыкали уши.

Тетушка Мяси трижды была замужем и всех своих мужей свела в могилу. От первого мужа родила она троих детей, а от других Бог не дал. У сыновей тетушки Мяси были самые обыкновенные голоса, да только вот с головой они не шибко дружили. Сыновья росли и в доме тетушки Мяси стало тесно. Захотелось ей сменить обстановку. Поймав первого встречного, расспрашивала она о доме-о семье, а затем недвусмысленно намекала на то, что ищет теплое крылышко. «Кое-как прибрала я к рукам мужика, а он возьми и преставься», – возмущалась тетушка Мяси. «Ну, так найди себе нового, с обстановкой», – советовали ей прохожие, на что она манерно вздыхала, а в глазах тут же загорались бесовские огоньки. «Да где же взять такого?! – отвечала тетушка Мяси, пристально глядя в глаза советчику. – Такого мужчину днем с огнем не сыскать», – вздыхала она.

Габиб покачал головой и, словно, переговариваясь с кем-то, громко произнес:

– Как хорошо, что тетушка Мяси не уродилась мужчиной. Хвала Всевышнему! Если, будучи женщиной, она свела в могилу трех мужчин, что бы натворила она, скольких бы несчастных сжила со свету, будь мужчиной! Сколько женщин безвременно покинули бы этот мир, не вкусив радостей жизни!

Нет, голос, пробудивший его в ночи, определенно не принадлежал тетушке Мяси. Иначе бы вся округа уже стояла на ушах от ее истошного вопля.

***

Вспомнился ему еще вот какой случай. Как-то давно он махнул на пару дней за рубеж. По соседству с ним остановилась пожилая пара. Жили они душа в душу, никогда не пререкались на людях. Всякий раз, выходя из дома, рука об руку шли они неспешно. Муж с женой мило шептались и переглядывались. Лифтом они почему-то не пользовались, хоть и жили на четвертом этаже. На ступенях жена внимательно оглядывала мужа с ног до головы и, обнаружив волосок на его пиджаке или вороте рубашки, тут же осторожно сдувала, а потом вновь брала мужа под руку и они спустились вниз по ступенькам.

...Много воды утекло с тех пор. И вновь выбрал он знакомый адрес, а по соседству опять остановилась пожилая чета. Соседи вселились через пару дней после него. Они прихватили с собой четыре громоздских чемодана. Высокая женщина в очках не приглянулась ему с первого взгляда. А ночью за стеной раздавался ее без-

удержный смех и лепет. На следующий день они крепко повздорили. Жена бранила мужа на балконе. Минула ночь, наступило утро, уж и солнце встало, а жена всё не унималась. Несчастный муж помалкивал. Порой только тихонько шептал: «Ну что, успокоилась? Может, хватит уже?» «Нет, не хватит! – вопила в ответ жена. – Когда я решу, тогда и хватит!»

В такие минуты Габибу было искренне жаль мужчину за стенкой, сердце сжималось от боли. До чего же хотелось ему встретиться с соседской четой, когда, под ручку, воркуя, спускались они по ступенькам. Интересно, думал Габиб, как им это удастся – грызться дома, ругаться так, что стены дрожат, а на улице мило щебетать друг с другом, как ни в чем не бывало. «Как такое возможно?» – удивлялся Габиб.

Он вышел в прихожую. Стрелки часов стремительно приближались к полуночи. Габибу слышались всхлипывания соседа за стенкой. «Видно, жена не допускает его к себе. Еще неизвестно, что за всем этим кроется», – мелькнуло в голове Габиба. От криков соседки он начал терять терпение. В прихожей ее противный голос был слышен особенно отчетливо и громко, поэтому он спешно вернулся в комнату.

Наконец ему удалось застать мужа с женой за пределами их квартиры. Они шли привычной дорогой вверх по улице. Женщина в дорогой шубе из черного меха важно шествовала впереди, а низкорослый мужчина в курточке и с колпаком на голове плелся сзади.

Они вошли в лавку шапочника напротив и хозяин лавки, в отсутствие клиентов стоявший снаружи, тут же последовал за ними. Мужчина принялся примерять приглянувшиеся ему головные уборы, поглядывая в зеркало. Жена его тоже не теряла времени зря. Ворча и недовольно фыркая, она перемерила все шапки, которыми была увешена стена. Наконец мужчина выбрал подходящий головной убор. «Вот, я нашел, взгляни, кажется, это то, что нужно», – сказал он, обернувшись к жене.

Жена оглядела его с ног до головы, а затем перевела оценивающий взгляд на шапку.

– А ну сними, сними немедленно! – гневно воскликнула она. – Ишь, что удумал! Как ты смеешь выбирать шапки без меня. Вот, гляди, какую выбрала я! Ее и возьмем!

Мужчина замешкался, явно не торопясь расставаться с выбранным головным убором. Видя его нерешительность, женщина стремительно сдернула шапку с его головы и напялила ту, что держала в руке.

– Мы возьмем ту, что выбрала я! – тоном, не терпящим возражений, заявила она.

Мужчина побледнел и покрылся испариной. Так и стоял он, остолбеневший, не проронив ни звука. Усмешка тронула уголки губ продавца – сколько таких сцен довелось ему перевидеть...

Вспоминая дородную, серолицую соседку в роговых очках, Габиб негодовал в душе. Бескомпромиссность, сквозившая в ее фразе «Мы возьмем ту, что выбрала я!», глубоко возмутила его.

С тех пор много воды утекло, минули годы. Габиб сидел на подоконнике, перебирая воспоминания. Лязгающий голос неприятной соседки так и звенел в его ушах. Нет, определенно, вопль, разбудивший его среди ночи, не мог исходить от нее. Одно дело гневливые восклицания, а другое дело – вопль. К тому же та женщина, что выбрала мужу шапку, была не из наших...

***

Воспоминания унесли Габиба к истории, некогда пересказанной его близким другом.

Как-то друзья собрались в доме одного уважаемого человека, с которым давно водили знакомство. Хлебосольный хозяин дома накрыл прекрасный стол, всё шло

своим чередом, как вдруг раздался крик со двора. Соседка на всю округу звала домой сына.

– Гасан, оййй, Гасан! – истошно вопила она. Один из гостей выскочил на балкон, хозяин в замешательстве метнулся за ним. Никто не мог понять, в чем дело, что так встrepенуло гостя... Женщина надрывно кричала, а сын всё не откликнулся. Наконец, спустя какое-то время, очевидно, совесть взыграла в нем, и он недовольно отозвался: «Э-э-э, мама, в чем дело, что случилось?» Гость, затаив дыхание, стоял и следил за развязкой событий на балконе. Дозвавшись сына, мать замолкла. Наступила тишина. Странный гость вернулся к столу и, ощутив на себе изумленные взгляды, зардевшись, признался: «Я так давно мечтал вновь услышать этот призывный клич матери! До того поразился, что выскочил на балкон. Он – как бальзам на душу, значит, не все еще потеряно...»

Друзья улыбнулись и застолье продолжилось.

Нет, протяжное материнское «Оййй» не походило на тот вопль, что разбудил его среди ночи. Будь этот клич воинственным и устрашающим, разве стал бы его друг так мило, будто сказку, пересказывать его?! Или выскочил бы гость на балкон, зачарованно слушая это раскатистое эхо?! А потом, вернувшись к столу, не признался бы, что этот материнский призыв – как бальзам на душу...

***

... Габиб вновь бросил беспокойный взгляд в окно. Занималось утро. Скоро солнце, поднявшись из-за круч, окатит все вокруг багряным светом. Однако ночь не спешила уступать свои права. Он осторожно покашлял, словно опасаясь разбудить кого-то. Гарабаш лениво вышел из своей конуры, нехотя потянулся и что-то там прокряхтел. Видно, и ему не спалось. А может, голод пробудил его среди ночи. «Ты смотри, голодный, а все равно не лает. Прокряхтел и сел, поджав хвост. Будто научился лаять. Сколько времени кряхтит уж».

Как бы он хотел сорвать оковы тишины и ринуться на улицу, избавившись от этого надоедливого крика, лишившего его сна и звеневшего в ушах, растрavляя память. Но разве такое возможно?! Память вряд ли оставит его в покое...

Он вышел в прихожую и надел сандалии. У двери он почувствовал непреодолимое желание выскочить на улицу и отыскать в ночной мгле того, чей истошный вопль разбудил его и лишил покоя. Но разум и воля все же взяли верх. К тому же он верил, что память не подведет, и в ворохе воспоминаний он непременно отыщет того, кто кричал среди ночи. Он снял сандалии и вернулся в комнату. Подойдя к окну, он вперил взгляд в темноту и вновь принялся ворошить свою память. И воспоминания не заставили себя долго ждать...

«ЖДЕТ ТЕБЯ СУДЬБА В АРДЕБИЛЕ...» ИЛИ «МОСТ ГОЙТУЛЕЛИ»

... Возникла в памяти Габиба забавная история. Возможно, она показалась бы неправдой, если бы ее не рассказал человек, с образом которого ложь никак не вязалась.

Жил некий Гойтулели – честный, набожный человек. Как-то подскочил он среди ночи и сел от неожиданности в постели. Снился ему богообразный, светлоликий старец, отчего-то призывавший Гойтулели отправиться в Ардебиль.

– Просыпайся, Гойтулели! Ждет тебя судьба в Ардебиле, вставай, собирайся... – настоятельно твердил он.

Припомнив эту историю, Габиб тяжело вздохнул. «Эх, кто бы мне сейчас принес радостную весть! Откуда такое счастье, чтобы я пробудился радостный, как Гойтулели», – подумал Габиб. Но, опомнившись, вновь предался воспоминаниям...

...Издавна в селе Кочбек древнего края Дэрэлаяз жил некий Гойтулели. Жил он

в ветхой избушке, покрытой соломой, а из живности были у него пегая коровка да старенький вислоухий ослик, обитавшие в тесном хлеву. В доме Гойтулели была одна полинялая циновка, на которую стелил он единственный тюфяк и одеяло, доставшиеся в приданое его жене Гюлейше. Отчего-то у них не было детей, видно, Бог так решил.

Однажды Гойтулели, распластавшемуся на тюфяке и уснувшему безмятежным сном младенца, привиделся богообразный, светлоликий старик с длинной, аж до самого пояса, густой бородой. Возник он перед Гойтулели неожиданно, поздоровался и произнес:

– Знай и ведай, в Ардебиле судьба твоя! Ступай, не мешкая, найди, что положено, и воротись обратно!

А затем, попрощавшись, так же внезапно исчез.

Гойтулели вскочил и сел в постели. Отер холодный пот, градом лившийся со лба, краешком одеяла, которое досталось в приданое его ненаглядной Гюлейше. Ночные бдения мужа разбудили Гюлейшу. Еле продрав глаза и увидев растерянного Гойтулели, проснувшегося ни свет, ни заря, Гюлейша беспокойно заявила:

– Ты чего? Случилось что? Только ведь уснул... Какая муха тебя укусила? – ворчала Гюлейша.

– Ты не поверишь, но приснился мне странный сон, – ответил Гойтулели и тут же принялся пересказывать его жене.

Гюлейша язвительно хлопнула в ладоши и с усмешкой заявила:

– Видно, не зря говорят: «Голодной курице просо снится».

И, не дав Гойтулели опомниться, решительно произнесла:

– Ложись спать, хватит молоть чепуху! Перестань уже ёрзать, дай уснуть! – ворчала она.

Гюлейша улеглась в постель и уснула. А за ней последовал и Гойтулели. Но только он сомкнул веки, как старец вновь возник перед ним.

– Гойтулели, чего ты разлегся, я же велел тебе идти в Ардебиль! Там судьба твоя! Поднимайся, ступай, не мешкай! – произнес он с укоризной и исчез.

Гойтулели вскочил. На сей раз он сам разбудил жену и пересказал ей свой сон. Поведал Гойтулели, что тот самый богообразный старец вновь явился ему во сне и требовал тут же, не мешкая, направиться за своей судьбой в Ардебиль. Говорит, старец разгневался его нерасторопности и обиженно, даже не попрощавшись, удалился.

Недовольно фыркнув, Гюлейша стянула с него одеяло.

«Как же мне надоели твои сны!» – возмутилась она и перевернулась на другой бок.

Минули дни, прошли недели, Гойтулели в повседневных заботах и хлопотах забыл свой сон, в котором старец с длинной белоснежной бородой настоятельно призывал его отправиться в Ардебиль. Но однажды сон повторился... В тот день Гойтулели вернулся домой, изрядно уставший. Он выбился из сил, очищая поле от камней и поросли. Накинув хомут на корову и осла-бедолагу, впряг он их в соху и принялся за работу. «Ох, нелегкая эта работа...», – твердил, обливаясь потом, несчастный Гойтулели. – Как из-под камня, ей-богу». Видно, не зря говорят, тяжела ноша, как камень. Вспахивая борозды, ворчал он и роптал на свою долю поначалу тихонько, а потом уже погромче. «Тяжек мой груз, как и доля», – возмущался Гойтулели. Под вечер, вконец вылившись из сил, он еле доволоч ног до дома, загнав в стойло осла и коровку, разделавших его печальную участь. Едва переступив порог дома, усталый, рухнул он на циновку. Пока Гюлейша суетилась надужином, он облокотился о стену и предался сну. «Старинный друг» вновь навестил его во сне.

– Ах ты, беспечный, никчемный, неблагодарный Гойтулели! Разве не велел я тебе следовать за судьбой в Ардебиль?! Отчего же ты ослушался моего наказа?! Вот теперь получи!

И принялся изо всех сил хлестать Гойтулели розгами. А затем, откинув розги, принялся бить его кулаками по лицу и голове. «Говори теперь, негодный, пойдешь в Ардебиль?! Ну, отвечай! Или так и будешь по ночам спать на полинялой циновке, укрывшись потертым одеялом Гюлейши, а днем батрачить до седьмого пота, изводя корову и осла-бедолагу? Ну, говори, бестолковый! Чего молчишь!» – не унимался старик.

Только старик снова ухватился за розги, Гойтулели взмолился: «Пойду, пойду! Не убивай, заклинаю! Ей-богу, пойду!» Моля о пощаде, Гойтулели еле вырвался из рук старика. Взяв слово с Гойтулели и вняв его мольбам, старец с улыбкой на лице произнес: «Ступай, да будет ясен твой путь!» И, волоча за собой розги, удалился.

Оклик Гюлейши оторвал его от сноведений. Покрывшись испариной, Гойтулели уселся на циновке и вытаращил глаза на жену. Лицо Гюлейши искривилось от страха за нерадивого супруга, во взгляде ее читались беспокойство и ужас.

– Что опять с тобой стряслось, Гойтулели?! Почему ты стонал и всхлипывал во сне? Кого молил о пощаде? Куда ты обещал пойти? Да буду я жертвой тебе, Гойтулели, ты, никак, рехнулся!

Вынув уголь из печи, она бросила его в медную чашу с водой и подала мужу.

– Отпей воды, образумься! Видать, опять мимо того треклятого ущелья проходил! Сколько раз говорила тебе – обходи его вечером стороной! Пей, пей...

Гойтулели выхватил медную чашу из рук жены и осушил ее одним махом, проглотив заодно и уголь. Немного придя в себя, он, собравшись с силами, поднялся и направился к двери. Гюлейша преградила ему путь.

– Ты куда собрался? – стукнувшись коленями об пол, взмолилась она. – О, горе мне, горе! Джинны помutilи его рассудок! – причитала Гюлейша вся в слезах.

Гойтулели вернулся с порога и смущенно уселся на тюфяк, справедливо рассудив, что такое начало пути вряд ли сулит удачную развязку. Он поманил жену и принялся пересказывать сновидение.

– Гюлейша, ты не поверишь, но мне опять приснился тот самый благообразный старец. Но в этот раз он был очень зол. Схватил меня за шиворот и принялся бить розгами, а потом пустил в ход кулаки. А всё потому, что я не сдержал обещания и не отправился за своей судьбой в Ардебиль. Не заверь я его клятвенно, он наверняка прибил бы меня там же. От его благообразного лика не осталось и следа. Лицо его искривила ужасная гримаса и на миг мне показалось, будто сам Азраил стоит у изголовья. Иного выхода нет, придется идти. Ничего не поделаешь, наутро отправлюсь в Ардебиль.

Едва утренняя звезда засияла на небосклоне, Гойтулели собрал в мешочек домашние припасы и засобирался в путь. «До моего возвращения кое-как перебежись молоком и простоквашей», – сказал он, прощаясь с женой. Пегую корову он препоручил жене и, взяв осла под уздцы, пустился в путь.

***

...Долго ли, коротко ли шел Гойтулели, и, наконец, добрался до подножия седого Савалана. Путь его пролегал по равнинам и высокорным ущельям. Перейдя ниспадавшие с горной вершины и вившиеся по склонам реки Аджычай, Балыгчай и Гарасучай, обогнув деревни и поселения, неумоимо пробирался Гойтулели к заветной цели. По его расчетам, до Ардебилля оставалось полдня пути. От усталости он валился с ног. Понутив голову, осел брел из последних сил. Съестные припасы закончились еще с вечера, так что бедолага Гойтулели перебивался водой да подвернувшимися на пути кореньями. Припадал он к студеным родникам, журча струящимся по горным перевалам, и черпал ладонями воду, а проголодавшись, набивал рот травами да кореньями. Под вечер, спустившись вниз по склону, заметил Гойтулели деревушку. Передохнув немного, он из последних сил дернул за уздечку осла и поплелся к равнине, где располагалась эта деревня. Так хотелось ему затемно до-

брести до ночлега, поесть досыта и передохнуть, чтобы наутро вновь пуститься в путь. На широкой площадке у обочины дороги собрались дети и подростки. Резвясь и озорничая, играли они в ловитки, лихо метали камни из рогаток. Сгущались сумерки. Дети окликали друг друга, торопясь затемно разойтись по домам. Гойтулели поравнялся с ребятами и замер. Словно ощутив немой вопрос в глазах путника, дети обернулись к нему в ожидании.

«Ребята, как называется село впереди?» – поинтересовался Гойтулели. «Это село Диджвиджин, – в голос ответили дети. – Мы тоже оттуда».

«Да убережет Всевышний ваше село, дети, надеюсь, его жители окажутся гостеприимными», – произнес Гойтулели и пустился в путь, потянув осла за уздечку.

Он неспешно шел по дороге, ведя под уздцы серого понурого ослика, и тараясь по сторонам, словно взывая о помощи. При виде его осторожной поступи прохожие думали, что, верно, бережет он чужого осла от лап и клыков злобных псов, недовольно рывкавших под заборами. Разумеется, Гойтулели не знал здешних мест и справедливо остерегался собак, но все же основной причиной его неспешности было намерение таким образом напроситься на ночлег.

Чуть поодаль у калитки восседал на табуретке, прислонившись к стене, мужчина средних лет, очевидно, дожидавшийся возвращения с выпаса отары. Таца за собой осла на поводе, Гойтулели поздоровался. Мужчина приветственно кивнул ему в ответ, не проронив ни звука.

Еле волоча ноги, Гойтулели прошел мимо, как вдруг за спиной раздался голос того самого мужчины: «Ты, видно, нездешний... Кто ты, куда путь держишь на ночь глядя?»

В глазах Гойтулели мелькнула надежда. «Я – далекий странник, иду-бреду из Дэрэлаяза в Ардебиль», – ответил он и тут же на одном дыхании поведал свою историю.

– Мне неизвестно, где этот Дэрэлаяз, но, известное дело, что отсюда до Ардебиля еще денек пути. Твоей-то поступью и того дольше. Впереди не найти тебе пристанища, лучше переночуй у меня, а наутро продолжишь свой путь. В степи среди ночи найдешь ты верную смерть. Заходи к нам в дом, гостем будешь!

Гойтулели несказанно обрадовался. Удача сопутствовала ему. Он только и помышлял о ночлеге с той поры, как заприметил село вдалеке. Спешно дернув за поводья, поволок он осла к калитке и вошел в широкий просторный двор.

– Дай Бог тебе здоровья, братец! Да оградит Всевышний твой дом от напастей! Я всё шел и молил Всевышнего о том, чтобы попался мне на пути сердобольный гостеприимный человек и приютил бы меня на ночлег. Бог ниспослал мне тебя...

«Салимага», – представился хозяин дома, приветственно протянув руку. Крепко пожав руку, Гойтулели назвал себя.

Пройдя во двор, он накинул поводья осла на кол и для верности подвязал их узлом. Хозяин дома велел накормить несчастное, еле волочившее ноги животное. Гойтулели схватил плетеную корзинку с овсом и, поставив ее перед устало склонившим голову ослом, произнес: – Ешь, горемыка! Изголодался, небось, с дороги.

Салимага провел гостя в просторную комнату и, как полагалось гостеприимному хозяину, пригласил Гойтулели присесть, передохнуть.

– Проходи, присаживайся! Ты передохни чуток, а я пока загоню животных в стойло.

Гойтулели уселся на одну из подушек, выстроенных в ряд на циновке. Пристроившись, он тут же задремал. Внезапно его разбудили истошные вопли и крики во дворе. Он вскочил, бросился к двери и, не удержавшись, метнулся во двор. Салимага лежал, распластанный, посреди двора в луже крови... Несколько человек, обезумевших от злости, яростно ворвались во двор. Им навстречу ринулись люди из дома Салимааги. Нападавшие огрели хозяина дома увесистой дубинкой. Кровь потекла

ручьём по вискам Салимаги. Рухнул он наземь в беспамятстве. Даже Гюльхар была бы бессильна остановить этот бескрайний поток алой крови...

«Бей негодяев! Никому не давайте проходу», – вопил один из нападавших, и остальные, подхватив его разудалый клич, смахивали всё на своем пути.

Гойтулели задрожал от страха. До чего же хотел он метнуться стрелой к своему ослу, привязанному возле хлева неподалеку от калитки, и убраться прочь из этого жуткого места. Согнувшись в три погибели, добрался он было до хлева, но тут возле корзины с овсом, настигла его дубинка. Грохнулся Гойтулели лицом наземь и пойдю дальше. Я едва знаком с хозяином дома». Да только кто его слушал! Незнакомец со всему маху треснул дубинкой. К счастью, удар пришелся по корзине с овсом, а не то испустил бы дух Гойтулели. Корзина взлетела и опрокинулась на голову несчастному Гойтулели. Удары сыпались один за другим, но корзина, точно шлем, укрыла его голову. Счастье вновь улыбнулось Гойтулели. Воинственный незнакомец заметил неподалеку кого-то из родни Салимаги и переключил свой гнев на него. «Надо же, так неудачно прийти в гости», – думал Гойтулели, вознося молитвы Всевышнему. В мгновение ока поневоле угодил бедолага Гойтулели в переделку, отчего-то представ злоумышленником в глазах заклятого врага хозяина дома. Он с ужасом представлял, что случилось бы с ним, не окажись плетеной корзины на его голове... Улучив момент, Гойтулели собрался с силами и стремглав помчался с корзиной на голове к калитке. Забыв об осле, побежал он так, что пятки сверкали. «Не сносить мне головы, если по-медлю», – думал Гойтулели и бежал без оглядки с соломенной корзиной на голове. Даже вероятность плюхнуться в колодец или яму не заставила его откинуть корзину. Мчался он, сметая все на своем пути.

«Эй, не дайте уйти этому проходимцу! Гляди, как уносит ноги с корзиной на башке! Ловите его, ловите!» – кричали вослед Гойтулели.

К счастью, Гойтулели успел выскочить со двора и, побежав проселочными дорогами, спрятаться в терновнике. Скрылся он с глаз, как хитроумный Сатулла. Поняв, что нет за ним погони и опасность миновала, снял Гойтулели с головы спасительную корзину и только тогда вспомнил, что забыл ослика в том злосчастном дворе. Защемило сердце несчастного Гойтулели. «Как же быть, – думал он, – не возвращаться же и вправду обратно, того и гляди, убьют. Будь в моем распоряжении чуть больше времени, я бы наверняка нашел себе местечко получше», – сетовал Гойтулели на судьбу, приведшую его в злополучный дом Салимаги. Ругал он себя, на чем свет стоит, насылая проклятия на свою несчастную голову.

– Будь ты неладен, Гойтулели! Чтоб тебе пусто было! Вот и добрался до Ардебиля... Хороша судьба, ничего не скажешь... Бестолковый Гойтулели! Поверил ты в сон, пустился в путь по глупости, вот теперь и получай! Заплутал в чужом краю, пеняй теперь на судьбу свою! Пропади она пропадом...

Ворчал Гойтулели, роптал на судьбу. Но вдруг, словно опомнившись, вознес он хвалу Всевышнему, за то, что тот вынес его живым-невредимым из этой передряги. Возблагодарил он и умельца, смастерившего ту добротную корзину, весьма кстати оказавшуюся на его голове и выдержавшую сокрушительные удары воинственного незнакомца. Устал, поник Гойтулели, затуманился разум его. Никак не мог он собраться и придумать выход из создавшейся ситуации. Тщетно напрягал он мозг, мысли расплзались в разные стороны. Не найдя ничего лучшего, притался он в терновнике и решил переночевать здесь.

Наутро Гойтулели покинул злосчастную деревню и по дороге разведal о том, что произошло в доме Салимаги. А дело было вот в чем. Тем вечером сын хозяина дома вышел из дому, якобы для того, чтобы пригнать отару. На самом же деле он резвился с приятелями на поляне, где и застал их направлявшийся в деревню Гойтулели. Сын Салимаги крепко повздорил с приятелем, завязалась драка, но их разняли.

Однако ярость сына Салимаги на том не утихла. Положил он за пазуху камень и, размахнувшись, метнул в обидчика. Как назло, камень угодил тому в висок. Подросток там и преставился... Родня покойного, узнав о несчастье, бросилась в дом Салимаги, чтобы обрушить меч возмездия на голову убийцы их сына. А в доме, как нарочно, гостил несчастный Гойтулели... Вот так поневоле оказался он в самой гуще событий. Узнав о гибели в той кутерьме во дворе Салимаги двоих человек, Гойтулели охал и причитал, вместе с тем вознося хвалу Всевышнему за свое спасение. «Видно, мать усердно молилась за меня в тот миг. Иначе не сносить бы мне головы. Пропавши пропадом этот плешивый осел, дался он мне! Нашел о ком горевать! Главное, унес ноги оттуда, а ведь был на волосок от смерти... К счастью, подвернулась мне эта корзина, а не то отдал бы Богу душу. Не будь ее, уж наверняка помер бы...» – бормотал Гойтулели. И не ведал он, что семьи, волею случая ставшие кровными врагами, покинули родной Диджвиджин, что раскинулся у подножия седого Савалана, и пустились в чуждые края. Но, скитаясь, так и не смогли найти пристанище и разжечь свой очаг, в котлом сгорели бы дотла их злоба и обида...

***

...Гойтулели поднялся спозаранку и пустился в путь, следуя за утренней звездой. Он то воздевал руки к небу, благодаря Всевышнего, то корил свою судьбу за ниспосланные тяготы. Заветное слово «Ардебиль» придавало ему сил и вселяло надежду. Вернуться обратно с пустыми руками он никак не мог, идти дальше значило окончательно подорвать и без того шаткое здоровье, а для того, чтобы осесть в здешних краях, взявшись за какое-то ремесло, нужны были деньги, которых у него, разумеется, не было. Выбиваясь из сил, он шел и шел с мыслью о том, что нужно непременно дойти до Ардебиля, где ждет его судьба. «Дорогу осилит идущий», – думал Гойтулели и вновь собирался в путь-дорогу.

На следующий день смущенный и обескураженный Гойтулели добрался, наконец, до Ардебиля. Обойдя городские улицы, он вышел к базару. Влекомый ароматом, доносившимся из бакалейной лавки, Гойтулели невольно замер. В животе его уже который день скреблись мыши. Взгляд голодного путника приковали сочные, наливные грозья винограда, выставленные перед лавкой бакалейщика. Поначу хозяин лавки принял Гойтулели за покупателя, но, поймав голодные взгляды несчастного путника, растрогался и подозвал его.

– Заходи, братец, не стесняйся! Похоже, ты идешь издалека, проходи, отведай, что Бог послал. Чем богаты, тем и рады, – сказал он.

Гойтулели нерешительно подался вперед и взял протянутые ему спелые грозья винограда. Он тут же отошел в сторонку и принялся уминать виноград за обе щеки, проглатывая спелые, сочные ягоды, порой даже не разжевывая. В поблекших глазах его мелькнула жизнь, сердце наполнилось надеждой. Гойтулели досадовал на себя и роптал на свою долю, кляня в сердцах привидевшегося ему во сне седобородого старца. «Зачем я внял его увещаниям, отчего, сорвавшись с места, пустился в путь-дорогу, чего мне не хватало! Жил бы себе и не тужил. «Вставай Гойтулели, поднимайся, ждет тебя судьба в Ардебиле!» Вот тебе и Ардебиль! Видно, судьбой моей была эта горсточка спелого винограда...» – бурчал себе под нос Гойтулели.

Его слова донесли до слуха бакалейщика.

– Братец, ты чего ворчишь, случилось что?! Скажи, чем недоволен, может, я смогу тебе помочь.

Гойтулели колебался с минуту, но все же решил поведать о своих злоключениях добродушному бакалейщику, завершив свой сумбурный рассказ такими словами:

– Несколько часов блуждаю я по улицам Ардебиля без гроша в кармане. Голод сводит мой желудок. Не повстречай я тебя, и не угости ты меня виноградом, помер бы я где-нибудь в подворотне. Да упокоит Всевышний души твоих усопших, спас ты

меня от верной погибели... Отведал я спелого, сочного винограда, и силы будто снова вернулись ко мне.

– Да разве можно, полагаясь на сон, решиться на такой дальний путь? Сказать по правде, тот самый благовидный старец, явившийся тебе во сне, привиделся и мне. Он все убеждал меня отправиться в Зангезур, в некий Кочбек, да, да, как сейчас помню – Кочбек, говорит, мол, судьба твоя в том краю. Велел мне отыскать в том краю некоего бедняка и добряка Гойтулели, мол, под стойлом в хлеву возле его дома сокрыт клад. Все твердил – иди, не медля... Да разве я поверю в эти небылицы? Держи карман пошире. Какой здравомыслящий человек поверит в сон, скажи мне, братец?!

Гойтулели встrepенулся от неожиданности. «Неужто старик оказался прав, и мой сон не был вымыслом?! Видно, и вправду нашел я в здешних местах судьбу свою», – мелькнуло в его голове.

– Знаешь, братец, у меня ведь здесь нет никого, один я одинешенек. Ни гроша за душой нет. Был у меня осел-бедолага, и тот остался в треклятом Диджвиджине. Молю, не откажи мне в помощи, приюти меня, не гони, дай заработать на дорогу обратно. Я привередничать не стану, работа спорится в моих руках.

Взглянул на него бакалейщик, видит, и вправду человек он хваткий. «Сдается мне, ты честный человек. Ну, заходи, обустройства, что ли. Моя лавка будет тебе и работой, и крышей над головой. Оставайся, работай. Я тебя не обижу», – произнес он.

***

...Настала пора и побрел Гойтулели из Ардебиля к ненавистному ему Диджвиджину с мечтой отыскать потерянного осла. Он так спешил, что прошел этот путь за полдня. Гойтулели добрался до дома, где не так давно угодил в передрягу, но на двери висел тяжелый замок. Потоптавшись у калитки, он так никого и не застал и уже собирался было уходить, как некий пожилой человек, завидев у дома незнакомца, окликнул Гойтулели.

– Ты что здесь потерял? Чего вынюхиваешь? Кого ищешь?

Гойтулели опешил – слова незнакомца были острее бритвы. Но вопрос о том, кого он ищет, несколько приободрил его.

– Я забыл здесь кое-что, вот и вернулся. Так уж получилось, что пару дней назад поневоле я оказался в гостях в этом доме, но под вечер здесь внезапно возник переполох. Ну, вы наверняка знаете. Еле выбрался живым, ей-богу. Второпях я оставил здесь своего друга – старого ослика, с которым добрался до здешних мест. Попал он в чужие руки. Думаю, вернусь, поищу его, дай Бог, найду...

Незнакомец недовольно мотнул головой. «Нет здесь никого, камня на камне не осталось, а ты говоришь... Забудь о своем осле. В этом доме ветер свищет, всё уволокли в отместку за пролитую кровь. И осла твоего наверняка забрали. Ступай по-доброму-поздорову. А то еще подумают, что ты родня этой семье, поплатишься жизнью».

Слова незнакомца развеяли последние надежды Гойтулели. Опустились руки его. Испугался он, растерялся и, наспех попрощавшись, ушел. Проклинал в сердцах Гойтулели злосчастное село, плюнул на всё и поспешил отсюда.

***

Долго ли, коротко ли шел Гойтулели, дни сменяли друг друга. Выбивался он из сил, но снова собирался в путь-дорогу. И вот однажды под вечер добрался он, еле волоча ноги, до родного Дэрэлаяза, своего села Кочбека. Словно ощутив дыхание мужа, Гюлейша выскочила на крыльцо и воздела руки к небу. «Хвала Всевышнему, ты цел и невредим!» – воскликнула она.

Юркнув в дом, Гюлейша спроворила чай, накрыла на стол. После ужина она постелила старенький тюфяк на пол и уложила спать усталого Гойтулели. А тот полез в постель и притянул к себе Гюлейшу...

Посреди ночи Гюлейша решила расспросить мужа о том, в каких краях он был и что видел.

– Чего ты молчишь, Гойтулели?! Расскажи, как добрался, что повидал... И где потерял нашего старого осла...

Гойтулели не ответил.

– Никак, продал его, а деньги проел... – с усмешкой сказала она.

– За пролитую кровь поплатился, жена, – вымолвил, наконец, Гойтулели после долгого молчания.

– О, горе мне, горе, ты что, человека убил? – вскричала Гюлейша и, словно опасаясь кровных врагов супруга, подскочила к двери и крепко-накрепко заперла ее на все засовы. – Успокойся, жена, никого я не убивал. Ты всё не так поняла. Попал в передрагу, только и всего. Завязалась драка, столько человек убили на моих глазах, еле ноги унес. Ничего не поделаешь, пришлось оставить нашего осла. Унесли его как откуп за пролитую кровь. Зато я спасся и вернулся домой к тебе целым-невредимым.

Спустя некоторое время Гюлейша пошла готовить воду, чтобы муж обмылся с дороги, однако, вернувшись, не застала его в доме. «Гойтулели! Гойтулели, ой-й-й!» – кричала Гюлейша. Но тот как сквозь землю провалился. «Куда ты опять исчез? – не унималась она. – Гойтулели! Эй-й-й-й...»

Разволновавшись, не случилось ли чего, бросилась она к калитке. Возле хлева, у самых ворот, до нее донеслись странные звуки – будто кирка и топор вгрызались в землю, прорубая настил. В испуге она приоткрыла дверь и застала мужа с киркой в руках, отчаянно колошматившего по полу. Ужас и недоумение застыли на лице Гюлейши.

– Да ты, никак, рехнулся! – гневно бросила она. – Слушай, а может, ты отправился в Ардебиль выучиться на могильщика, а? Что это ты тут делаешь, зачем крушишь хлев?

– Цыц! Молчи, женщина! Молчи! – произнес Гойтулели шепотом. – Иди лучше, стой на стреме, вдруг зайдет кто! Иди уже, иди. Увидишь кого, дай знать!

Гюлейша стояла, как вкопанная, и недоуменно глядела на мужа. Поняв, что она не отстанет, не получив объяснений, Гойтулели спокойно произнес:

– Судьба, о которой твердил мне старец во снах, сокрыта здесь, под землей. Нужно только выкопать этот клад. Ступай, иди быстрее, гляди в оба, чтобы никто не вошел. Потом принеси мне светильник. Ну же, иди! Торопись, Гюлейша!

Гюлейша растерянно попятилась назад. Свежий воздух ударил ей в лицо, и она припустилась бежать, вспомнив наставление мужа.

***

Гойтулели вскрыл киркой и мотыгой настил в хлеву и рыл, не переставая, до полуночи. Вдруг кирка ударилась обо что-то твердое. Мысленно возблагодарил Гойтулели являвшегося ему во снах благовидного старца, силой погнавшего его в Ардебиль. Видно, было за чем...

Потянулся Гойтулели за округлым камнем, показавшимся на дне ямы, но он оказался уж больно увесистым. Спустя довольно продолжительное время, обливаясь потом, поднял он, наконец, его с земли. Под камнем оказались два кувшина. Глядел на них Гойтулели и глазам не верил. При виде кувшинов, суливших несметные богатства, глаза Гюлейши, стоявшей за спиной мужа и наблюдавшей за всем происходящим, сверкнули. «Не копай больше, достань их и хватит», – еле выговорила она дрожащими губами. Гойтулели уже не владел собой от радости. Вцепился он обеими

руками в кувшины, достал их один за другим и откупорил острием ножа. Ослепительный блеск монет разлился золотым заревом и засиял огоньками в глазах измученного Гойтулели. Натруженные ладони его будто сразу обволокло целительным бальзамом, а холод металла непостижимым образом обогрел сердце. Он перебирал монеты и глядел на них, не отрываясь.

«Дай гляну, ну, дай же», – взмолилась Гюлейша, но Гойтулели был непреклонен. Как ни в чем не бывало, отложил он кувшин и принялся за другой. Вот так обрел Гойтулели неслыханное богатство, отыскал, что называется, на неисповедимых путях Господних судьбу свою, что и предвещал старец в его снах. Оказалось, что судьба, которую предвещал ему старец во снах, столько времени дожидалась его в недрах земли. Откопал он счастье свое и поволок с женой в дом.

***

Стал жить-поживать Гойтулели, не зная печали. Божьей милостью обогатился он, прослыл зажиточным человеком. Теперь оставалось надлежащим образом распорядиться богатством, ниспосланным ему Всевышним. Первым делом обзавелся он коровой, и теперь их в его хозяйстве стала пара. Деревянную соху заменил плугом и впряг в него пару волов. А вместо осла, потерянного в злосчастном Диджвиджине, прикупил гнедого коня. Гойтулели привел в порядок жилье, покрыл черепицей, и на месте ветхой, покосившейся избенки возник широкий, просторный дом. Соседи и родня поражались стремительным переменам в жизни Гойтулели, но их убеждали, что дела Гойтулели пошли в гору после его поездки в Ардебиль. Старая, полинялая циновка сменилась роскошными коврами и килимами, постланными на пол заботливой и хозяйственной Гюлейшой. В один из дней, когда Гойтулели возлежал на коврах в гостиной, облокотившись о подушки – одна другой краше – и окидывал взглядом жилье свое, дышащее богатством и роскошью, вдруг что-то словно кольнуло его. Лицо Гойтулели, после обретения неслыханного богатства неизменно довольное и счастливое, заволокли серые тучи. Помрачнел он, насупился. Мысль о том, что когда-нибудь лишится он достатка, тяготила его. Берег он свои несметные сокровища от посторонних глаз как зеницу ока – об укромном месте знали только он да Гюлейша. «Но, как ни скрывай, Бог все видит. Его не проведешь», – думал Гойтулели, и эта мысль не давала ему покоя. Рассуждал Гойтулели и так, и эдак, и вот однажды, подозвав жену, произнес:

– Послушай, жена, думал я и решил, что довольно нам одним пользоваться благами, ниспосланными Всевышним. Надо бы сделать хорошее дело, которое всем пойдет впрок...

Растерялась Гюлейша, оторопела. Побоялась она, что разрезвонит наивный и простодушный Гойтулели об их богатстве, раскроет по доброте душевной их семейную тайну и решила разубедить его.

– Ей-богу, не нужно. Прознают люди о нашем богатстве, начнут судачить всякое, будет тебе забот полный рот... Только обрели мы достаток, вспомни наши черные деньки!

Гюлейша говорила без умолку, но Гойтулели не слушал ее. Он смотрел поверх головы супруги и думал о своем, тщательно перебирая мысли. Спустя некоторое время он перевел взор на Гюлейшу и решительно заявил:

– Надо совершить благое дело, иначе всемогущий Аллах покарает нас и оставит ни с чем. Я должен успеть сделать это, пока старец из моих сновидений не явился вновь и не погнал меня еще куда-нибудь. Поколотит розгами, как в прошлый раз, или отправит куда-нибудь еще. Останешься одна-одинешенька....

Слова мужа смутили Гюлейшу, но она предпочла промолчать. С той поры стали одолевать ее ночные кошмары. Всякий раз вскакивала она среди ночи от ужаса и кричала. Однажды не выдержала Гюлейша и, растолкав мужа, взмолилась: «Закли-

наю, не тяни ты со своим благим делом, что бы ни помышлял, сделай это поскорее».

А Гойтулели уже давно всё решил. Затеял он строить мост через реку Джигычай, что несла свои крутые воды по обочине села Кочбек, делила отчий край на север и юг и, разливаясь осенью и весной, увлекала в неистовые потоки беспечных жертв. Гойтулели отыскал мастеров, которые смогли бы помочь ему осуществить задумку. Однажды, потолковав с ними о деле, повел он мастеров на берег реки Джигычай. Указал он место, где утонул много лет назад совсем еще юный сын его соседа Джанемира, и велел строить мост на этом самом месте. «Мне бы хотелось построить с божьей помощью мост с того места, где мы стоим, до другого берега», – сказал он.

«В этом месте река очень широка, к тому же это самый край обрыва. Потоки воды в этой части реки стремительны. Здесь не удастся построить мост», – недоуменно переглядываясь, ответили мастера.

Но Гойтулели был непреклонен. «Мост надо строить именно здесь», – упрямо твердил он.

«Это невозможно!» – в один голос заявили мастера, поняв, что разубедить упряма не удастся.

«Невозможно, говорите?! Ну, так глядите...» – произнес Гойтулели и запустил руку в привязанный к седлу хурджун. Достал он со дна хурджуна пару мешочков, развязал их, высыпал пригоршню сияющих ослепительным блеском золотых монет, повертел их на ладони, а потом, молча всыпав обратно, со словами «Бог в помощь» лихо зашвырнул мешочки с монетами на другой берег. Вытаращив глаза, мастера растерянно глядели на сумасбродного заказчика. «Ну вот, монеты вы видели, и то, как оказались они на том берегу, тоже. Теперь дело за вами. Эти набитые золотом мешочки ваши, забирайте!» – произнес Гойтулели.

Мастера тут же бросились в воду и вплавь добрались до другого берега. Живые-невредимые, выбрались они на берег и, довольно сияя, подняли доверху набитые золотом мешочки. Только теперь разгадали они замысел Гойтулели, но деваться было уже некуда. Выбравшись на берег, они, промокшие до нитки, предстали перед Гойтулели. «А вы говорили невозможно... Мол, река широка и потоки стремительны... Значит, все-таки возможно. Так что давайте не будем терять времени! Приступайте, не мешкая. Те мешочки с золотом, что добыли вы, перебравшись вплавь на другой берег, к нашим расчетам отношения не имеют. Я заплачу вам в десять раз больше! По рукам?»

То ли предложение показалось им заманчивым, то ли сделала их сговорчивыми промокшая одежда и холод, пробиравший до самых костей, но мастера молча закивали головами. Попрощавшись с мастерами, Гойтулели уверенной поступью направился к дому.

Так, озолотив мастеров, возвел щедрый на руку Гойтулели добротный мост через реку Джигычай. В народе прозвали тот мост «Мостом Гойтулели». Десятилетия спустя перебирались по тому мосту целые поколения жителей Кёмрю, Чермуха и Кочбека аж до самого Гянджабасара и Карабаха.

Жители этих мест, оказавшихся впоследствии под пятой вероломного врага, – те, что видели Мост Гойтулели, бродили по нему – и их потомки твердо верили, что земли эти непременно вернуться. Недолго час – отважные игиды, взмахнув над головой трехцветным флагом Азербайджана, пронесутся по Мосту Гойтулели, погнав проклятого захватчика. Вернутся жители этих мест, встретятся на Мосту Гойтулели и обнимутся на своей вековечной земле...

***

... Захваченный мыслями и воспоминаниями, Габиб гордо вскинул голову, представив, как несется он вскачь по Мосту Гойтулели, и реет по ветру флаг Азербайджана.

Но тут в комнату ворвалась крошечная мгла и окутала все вокруг непроглядным мраком. Свет померк в глазах Габиба. Всколыхнулась память его, наваяла воспоминания. Вспомнил он не то прекрасное ощущение, с которым пробирался по Мосту Гойтулели, а ужас, охвативший его на Перевале Салима в Дэрэлаязе.

МУКИ ТЕХ, КТО ЕЛЕ СВОДИТ КОНЦЫ С КОНЦАМИ

Мысли роем кружили в голове Габиба. Точно жернова мельницы, бередили они память, вороша былое. Скрупулезно перебирал Габиб некогда слышанные им голоса, но ни один из них не походил на тот, что разбудил его среди ночи. «Кто же это мог быть? – терялся в догадках Габиб. – Точно не бакалейщик, тот кричать не станет. Гойтулели тоже отпадает. Он, бедолага, еле бормочет. Гюлейша когда-то была бойкой на язык, порой окликала она мужа на всю округу, но достаток, перепавший их семье и рухнувший им с Гойтулели на головы, будто снежный ком, унял ее прыть, и теперь она то и дело молилась Всевышнему за здоровье своего благоверного. Салимага, тот и вовсе пал жертвой разъяренных диджвиджинцев. Его так огрели дубинкой по голове, что он еще не скоро опомнится и уж точно не закричит. На гиканье и улюлюканье кровников, вихрем влетевших во двор и напустившихся на Салимагу со словами «око за око, кровь за кровь», тот крик в ночи не походил и вовсе...» Да разве вихрь даст уснуть? А может, ему все это померещилось? Привиделось во сне? Возможно, это был и не крик вовсе, а сорвавшийся с языка стелания израненного сердца?! Слово доносились они из глубин ранимой души пожилой женщины... «Да, видимо, так оно и есть. Отыскал, значит...» – подумал Габиб, невольно улыбнувшись своей догадке.

***

... У каждого путника свои предпочтения в транспорте. Кто-то предается мечтам под стук колес поезда, те, кто обделен терпением и не любит терять ни минуты своего драгоценного времени, летает на самолетах, ну, а пижоны и щеголи рассекают на огромных дорогущих джипах. А те, кто еле сводит концы с концами, ездят в автобусах.

... Хадиджа была из категории последних. По обыкновению дожидалась она в тот день автобуса на просторном автовокзале большого города. Спустя какое-то время она устроилась на заднем сидении подъехавшего автобуса, втянув шею в плечи. Будто неся на плечах непосильную ношу, ссутулилась она под грузом чувств и ощущений. Автобус всё не трогался с места, а мысли Хадиджи уже неслись из большого города в регион, откуда была она родом.

Вечерело, автобус по-прежнему стоял, как вкопанный. Салон пустовал. Водитель дымил папиросой, прохаживаясь из стороны в сторону, или поглядывал на прибывшие из города автобусы, очевидно, в надежде, что кто-то из высыпающих оттуда пассажиров подсядет к нему. Салон, рассчитанный на двадцать сидячих мест, все еще оставался полупустым. Улучив момент, проворные торговцы из местных, а также китайцы, афганцы и пакистанцы ныряли в автобус, донимая томящихся в салоне пассажиров выкриками о продаже всяких безделушек и ширпотребя. Продавали они за бесценок, но покупателей все равно не находилось. Прохаживаясь по рядам, назойливо предлагали они свой товар, надрывая горло.

– Ну ты посмотри, совсем обнаглели! Как назойливые мухи, ей-богу! Ну не хочет никто покупать ваши вещи, отстаньте уже! Что пристали?! Когда же положат конец этому безобразию?! – возмутился сидевший в передних рядах мужчина средних лет.

Ткнув проходившего мимо темнокожего продавца с авоськой в руках, он выместил свой гнев на нем.

– Послушай, мы и так нервничаем-переживаем, что не поедем никак, а тут еще ты со своими побрякушками. Дай вздохнуть, и без тебя тошно.

Пожилая женщина огрызнулась на недовольного пассажира.

– Не гони ты его, каждый зарабатывает, как может, – буркнула она и огляделась вокруг, словно ища поддержки. – К тому же наверняка отстегивают долю, оттого их и не трогают.

– Духи, одеколоны! Разбирайте по манату! – горланил шустрый паренек.

Мужчина, сидевший позади Хадиджи и дремавший, подскочил от неожиданности.

– Духи, говоришь? Ну что ж, продавай. Только мне духи ни к чему. Для чего они мне? Жена все равно меня никуда не пускает. Разве что, на автобусах езжу, а там свои ароматы...

Пассажиры дружно рассмеялись. Свинцовая, давящая атмосфера в автобусе тут же развеялась. Хадиджа глядела исподлобья и невольно поражалась спокойствию продавца, как ни в чем ни бывало шаставшего по рядам. «Господи, да у него адское терпение! Какая завидная кротость! Несчастному чего только не высказали, а ему хоть бы хны. Иметь такое терпение, должно быть, невероятное счастье», – думала Хадиджа.

Наконец автобус тронулся. Однако проехав несколько метров, водитель остановил автобус в переулке за углом. Отворив настежь двери, он принялся собирать плату за проезд, а после, собрав все деньги, куда-то их умыкнул. Спустя некоторое время к автобусу подошел некий мужчина и что-то шепнул сидевшим на заднем сиденье паренькам. Те, пересмеиваясь, шмыгнули вслед за ним. Позже тот самый мужчина явился вновь и, заглянув в открытые двери, заявил, что автобус не поедет, предложив пассажирам покинуть места.

– Автобус не едет, выходите! – решительно произнес он, предложив пассажирам пройти вперед и подождать другой автобус.

Тон, которым он это произнес, не терпел возражений. Хадиджа знала об этой уловке водителей. Так хитроумные водители пытались ускользнуть от «поста», дежурившего на контрольно-пропускном пункте, и, соответственно, не платить. Возражать было бесполезно. Видя, как безропотно принялись исполнять другие пассажиры поручение водителя и его подельников, она тоже покинула автобус и направилась окольными путями к шестнадцатизэтажке.

Хадиджа с отвращением смотрела на мелкие козни взрослых мужчин, и горькая усмешка скользнула по ее губам. Тут все слова иссякли. Возможно, в иной раз она возмутилась бы тому, как бесцеремонно подсовывали людям билеты по 3 маната, хотя стоили они на манат меньше, или тому, как нагло высаживали усталых пассажиров, среди которых были матери с детьми на руках и пожилые. Но разве что-то изменилось бы?! Один, как говорится, в поле не воин.

Ледяной декабрьский ветер свистел и трещал, как тлеющий очаг. Хадиджа молча шла, сжимая в руках сумку и подняв плечи, а в груди ее всё клочкотало. Она не слушала досужих разговоров шедших рядом женщин и не вмешивалась в их беседу. Мысли ее витали далеко отсюда. Ежась от холода, она шла навстречу ветру, а он, разыгравшись, хлестал ее по лицу, трепал волосы.

Вдруг зазвонил телефон. Она остановилась, чтобы достать его из сумки, и тут взгляд ее упал на одну из женщин рядом. Отчего-то лицо ее показалось Хадидже знакомым. Да, точно, она частенько видела ее на базаре и в магазине. В провинциальных городах жители почти всегда знают друг друга в лицо. Хадиджа не знала ее по имени, но явственно ощущала испуг и беспокойство, словно застывшие на лице таинственной незнакомки. Вскоре они невольно передались Хадидже. Охватили ее смутные чувства. Поднималось в душе беспокойство, изрядно приправленное интересом.

... Обгоняя ветер, шла она твердой поступью к остановке возле шестнадцатипятиэтажки, где дожидался пассажиров пузатый автобус. Порой она оборачивалась и глядела на знакомую незнакомку, и ее одолевало желание распрямить плечи и стряхнуть словно цепью сковавшие их волосы.

Те самые парни, что сидели на заднем сидении автобуса, уже добрались до остановки и поджидали здесь остальных пассажиров. Но отчего-то они не спешили занять свои места. Мамы с детьми и еле волоочившие ноги пожилые, тяжело переваливаясь и кряхтя, тоже кое-как дошли до остановки. Кляня и ругая на чем свет стоит водителя другого автобуса, они шумно поднялись в салон и расселись по своим местам. Хадиджа молча вошла и присела. От холода губы ее заледенели... Она вспомнила о той незнакомке, которая неразлучно следовала за ней по пятам до самого автобуса, будто опасаясь, что заплутает. Устроившись в автобусе, она обвела глазами салон в поисках той самой женщины. Но в автобусе ее не оказалось. Подогреваемая интересом, она выглянула в окно. Женщина стояла в очереди перед лавочкой донерщика. Минуты томительно тянулись. Вдруг автобус тронулся, и женщина едва успела запрыгнуть на ступеньки. «Тебе что, жить надоело?! Ты чего под колеса бросаешься?!» – негодовал водитель, но женщина, ничего не возразив, уселась на свободное место возле от Хадиджи. Едва устроившись, она беспокойно обернулась. Автобус отъехал, и она вздохнула с облегчением, будто избавившись от гнавшегося за ней кошмарного фантома. На всякий случай она обвела взглядом сидевших в салоне пассажиров, словно фантом мог оказаться где-то среди них. Хадиджа украдкой поглядывала на женщину, повадки которой выдавали скованность и испуг. Она не понимала, что так заинтересовало ее в этой с виду ничем неприметной особе.

Автобус несся прочь от города, а с ним таяло беспокойство и замешательство во взгляде незнакомки. Она заметно успокоилась, и теперь на ее лице читалось сожаление и разочарование. Спешно развернув пакетик, она принялась жадно поглощать донер, сгребая рассыпавшиеся крошки. От нее несло рыбой. «Видать, набила авоську рыбой», – подумала Хадиджа, покосившись на лежавший у ее ног увесистый кулек. Но по облику женщина вовсе не походила на спекулянтку, скорее, на ту, которую обидели и обвели вокруг пальца. Порой она опускала голову и мерно покачивала ею, а лицо ее то бледнело, то заливалось румянцем. С одной стороны, Хадидже была интересна судьба этой незнакомки, а с другой – она отчего-то всем сердцем переживала за нее и хотела помочь. Хадиджа ёрзала на месте, подыскивая повод заговорить.

– Приятного аппетита! – вымолвила, наконец, она, улыбнувшись.

Надо же было с чего-то начать...

Женщина словно только того и ждала. Она не собиралась молчать, да и не могла – эмоции переполняли ее. Слова так и норовили сорваться с губ. Наспех заглатывая один кусок за другим, она кое-как перекусила.

– Спасибо, дочка, – ответила незнакомка, вздохнув с облегчением. А потом, приободрившись, на одном дыхании принялась рассказывать Хадидже, как давнишней знакомой, о своих злоключениях. Говорила она торопливо, словно стремясь поскорее избавиться от груза воспоминаний.

– ... Однажды я привезла рыбу на Ясамальский базар. Когда попадается хорошая, я привожу. Там рыбу хорошо раскупают. На базаре есть магазин, куда я сбывала рыбу, и, выручив деньги, уезжала обратно. Хозяин магазина неплохой человек, всегда исправно платит. А если рыба была ему без надобности, я продавала ее у базара, усевшись среди торговков семечками.

Голос ее порой дрожал и обрывался, от волнения ком вставал в горле. Она то буравила глазами Хадиджу, то глядела в окно, в котором то и дело мелькали испещренные трещинами солончаковые пустоши да подножия гор. Задумавшись, она замолкала, а потом, встрепенувшись, продолжала свое повествование.

– ... Да... На чем я остановилась?.. Ах, да... В прошлый свой приезд я встречала в том самом магазине на базаре некоего человека. Он взял сумку, полную рыбы, но заплатил полцены. Я промолчала, решив про себя, что оставшуюся часть выручу в следующий приезд. Но спустя неделю тот самый мужчина предложил мне плащ вместо денег. Он был слегка ношенный, но сел неплохо. Делать нечего, я и взяла. Подумала, пригодится. Мужчина оставил мне свой телефон, мол, будет рыба, привози, куплю, о деньгах не беспокойся, заплачу всё до копейки. Ну, я и обрадовалась. В этот раз привезла я осетрину по шестьдесят манатов, с нашего базара...

Тут она умолкла, задумавшись о чем-то личном, и спустя некоторое время, переведя дыхание, продолжила.

– ...Да, за шестьдесят манатов за килограмм. У нас на базаре знакомый торгует рыбой, у него и взяла... Подумала, тот парень наверняка купит, не поскучится...

И тут в ее голосе зазвучала обида и разочарование.

– Я отродясь никому ничего не сделала плохого. В чем моя вина? За что со мной так обошлись? – сокрушалась она.

Ничего не понимая, Хадиджа вопросительно глядела на нее. Это был не столько вопрос, сколько крик отчаявшейся души. Хадиджа понятливо молчала. Видно, сегодня ей суждено было помалкивать.

Тем временем женщина продолжила свой рассказ свинцовым, упавшим голосом:

– Тот мужчина преградил мне путь перед магазином и увлек меня за собой со словами: «У меня нет при себе денег, я живу неподалеку, пойдем, я захвачу деньги и расплачусь». Ну, я, дура, уши-то и развесила. Схватила тяжеленную сумку и поплелась вслед за ним. Перед высоченной многоэтажкой он предложил мне подняться с ним, мол, возьмишь деньги и спустишься.

Она тяжело сглотнула слюну и украдкой взглянула на сидевших рядом пассажиров. Удостоверившись, что никто не слышит, тяжело вздохнула и продолжила:

– Я, разумеется, не пошла... Что потеряла я в чужом доме с едва знакомым человеком. Испугалась я. Мужчина вел себя довольно странно, да и взгляд его мне совсем не понравился.

Автобус притормозил. Сидевший позади пассажир зачем-то выскочил наружу. Хадиджа молча глядела на морщинистый лоб попутчицы, ее глаза с залегшими снизу тенями, потрескавшиеся губы, шею с торчащими венами и загрубевшие руки. Они красноречивее всяких слов выдавали в женщине труженицу, привыкшую вставать спозаранку и работать, не покладая рук.

После того, как автобус вновь пустился в путь, она продолжила свой рассказ шепотом.

– Я даже с места не сдвинулась, и он, увидев это, предложил мне подождать его в гараже, пока он, якобы, поднимется домой и возьмет деньги. Я опешила. А он всё настаивал, мол, либо подожди меня в гараже, либо встань в закоулке, чтоб не продрогнуть. Выискался тоже, заботливый... В закрытое помещение я идти побоялась, решив дождаться его в закоулке. От страха я крепко сжала в руках сумку, набитую рыбой. Мало ли... Тут он протянул руку, мол, давай сумку, я подниму наверх и принесу деньги. Но я, конечно же, не согласилась. Как я могла довериться незнакомому человеку?! Правда, у меня был номер его телефона, но я не знала о нем ровным счетом ничего, даже адреса. Да и номер телефона – вещь ненадежная, некоторые в день по несколько номеров меняют. Подумала я: заберет сумку, а потом возьмет, да и поменяет номер, иди-свищи его потом... Растерялась я, не нашлась, что ответить. Так и молчала в нерешительности...

От волнения глаза женщины выкатывались из орбит, она невольно сжимала руку Хадиджи, притягивая ее, чтобы говорить еще тише. Она все время испуганно озиралась, словно опасаясь быть услышанной.

«Понял он, что ничего не выйдет, схватил меня, привлек к себе и что-то шепнул на ухо. От ужаса я не разобрала его слов. Он похотливо дышал мне в лицо и схватил меня за грудь...»

Женщину передернуло. Содрогнувшись от воспоминаний, она невольно закрыла грудь руками. В глазах Хадиджи застыл ужас. Тут женщина осеклась, руки ее задрожали, грудь перехватили рыдания. С трудом пересилив нахлынувшие воспоминания, она замолкла и только подергивание плеч выдавало бушевавшие ее чувства. Хадиджа на минуту представила, что мог сотворить этот негодяй с ней в темном гараже, а согласись она подняться к нему – в квартире, и опустила голову, изредка с горечью поглядывая на вздрагивавшую грудь женщины. Она больше не слышала слов убитой горем незнакомки. Будто сама с авоськой в руке следовала за этим человеком, идя навстречу подстерегавшей ее опасности. Представилось ей, как поднимается она по ступенькам в логово позора и бесчестия. Бешено заколотилось сердце ее, вот-вот готово было выпрыгнуть из груди. Представилось ей, как бросается она на кухню, хватая нож и со всему маху рассекает грудь своего обидчика. Вырвался из окровавленной груди его истошный стон, взревел он, как раненый зверь, и она закричала от ужаса. Пассажиры автобуса подскочили от ее крика. Защемило сердце ее, пронзила его острая, как кинжал, боль. Грудь полыхала огнем, и, не вскрикну она, сердце, вероятно, разорвалось бы.

Автобус резко затормозил. Видимо, состав пронесся по шпалам. Она взглянула на сидевшую рядом женщину. Словно вывернув душу наизнанку, ее попутчица облегченно задремала. На лице ее читались отголоски былой боли, но все же теперь оно выражало покой и умиротворение.

***

Габиб напряженно потирал виски, пытаясь запустить подуставшую от натуги память. Как оказалось, ни один из возникших в голове голосов не походил на тот, что разбудил его среди ночи. Тщетно блуждал он в лабиринте звуков, пытаясь отыскать ту, кому мог принадлежать этот голос. На мгновение ему показалось, что он нашел хозяйку голоса, но обознался. Нет, это определенно была не она. Устав от долгих и безуспешных поисков, он потирал виски, будто желая встряхнуть свое подсознание и стать полновластным хозяином каждого его уголка, либо стереть все раз и навсегда, выкинув из головы этот треклятый голос. Кажется, этот метод пришелся как нельзя кстати. Едва улегся шторм в его сознании, как откуда-то из потаенных уголков вырвался крик младенца, направив его мысли в совершенно иное русло...

НАД ИЗГОЛОВЬЕМ МЛАДЕНЦА...

Крик младенца, словно рассекая пласты подсознания, вырвался не откуда-то из анналов памяти и немислимых далей, а раздавался где-то совсем близко среди непроглядной мглы. Он буравил глазами темноту, словно надеясь, что сможет отыскать малыша по блеску его лучистых глаз. Плач раскатистым эхом разносился по комнате, но разглядеть кого-то в потемках не удалось. И без того взволнованный, Габиб разволновался пуще прежнего. Гнетущие воспоминания тяжелым осадком легли в его душе и сознании. Мысли об этом истошно кричащем младенце отозвались скорбью в его душе и омылись слезами.

*В степи, в далекой стороне,
На одиноком валуне,
Тенистым деревом бы стать
Над малыша могилкой мне.*

Этот крик, пронзивший безмолвие ночи, наваял на него грустные воспоминания. Он не понимал, откуда взялась эта грусть-печаль, но память, как путеводная звезда, вновь пришла на выручку, рассекая вращавшиеся в его голове сумбурные мысли. Каждый звук, осевший в его подсознании, указывал на некогда впечатлившее его происшествие. Он знал об этом и оттого ворошил свою память... Так случилось и в этот раз.

***

В ту пору он работал в провинциальном городке. Как-то утром, в предрассветный час, его разбудили крики, доносившиеся откуда-то с улицы. Прокатившись по двору пятиэтажки, где он жил, они гулким эхом поползли выше и вскоре, минуя коридор, докатились до его спальни. Соседи прильнули к окнам, повыскакивали на балконы. С любопытством созерцали они округу, пытаясь распознать, что взволновало и подняло людей спозаранку. Жители частных домов окрест тоже высыпали на улицу, слышав истошные вопли. Как добропорядочный гражданин, он решил не оставаться безучастным. Накинув рубашку и натянув брюки, кинулся было он к двери, как пронзительная боль сковала его, перечеркнув все планы. Кое-как приковылял он к окну и, отворив настежь створки, с любопытством высунул голову наружу.

... Кажется, такие же, как он, страдальцы, мучающиеся от боли в костях и суставах, сказывали ему, что в деревушке Дымых, в северных краях, объявился знахарь по имени Сейфулла. Говорили, будто руки этого Сейфуллы творят чудеса. Многие нашли у него исцеление, навсегда забыв о боли.

Он стоял у окна, согнувшись в три погибели. Суставы предательски ныли. Расстирая руки-ноги, он ругал и клял себя в сердцах. «Даже Фарамаз из Диджвиджина и Тапдыгали из Гейямли, не поленившись, пустились в дальний путь с подножия величественного Савалана и добрались до Шахдага, на склонах которого лежит село Дымых, омываемое удивительными по своей красоте горными родниками, а ты, черт тебя подери, никак не выберешься, хотя отсюда до Дымыха рукой подать. А всё Нусрэт, чтоб ему...», – сокрушался он, покачивая головой.

Нусрэт был проворным малым и рубахой-парнем. Дело так и спорилось в его руках. Жители обеих пятиэтажек – семидесяти семи квартир – почтительно здоровались с ним при встрече, а пожилые ласково называли «Нусу». Он водил дружбу с Нусрэтом и всякий раз, когда ломило кости, отчего-то в душе укорял Нусрэта за то, что до сих пор не добрался до чудодейственного знахаря. Вот и сейчас он мысленно говорил с Нусрэтом, ругая его за беспечность. «Не повез ты меня к этому знахарю, не повез... Скольких поднял он на ноги, скольким помог, даже калеки нашли у него исцеление, а я все никак. И это по твоей милости. Если бы ты показал мне дорогу, отвез бы, разве сейчас корчился бы я от боли, будь она неладна! Провел бы он целительным бальзамом по моему измученному телу, и боль бы как рукой сняло. Эх, Нусрэт, Нусрэт... Согнулся я от боли в дугу, чтоб тебя...», – сокрушался он.

Крики и вопли внизу отвлекли его.

Соседи столпились у котельной и чем-то шумно возмущались. У полуобвалившейся стены лежал какой-то странный сверток, очевидно, и привлечший всеобщее внимание. Пожилые женщины, взглянув на него, хлопали себя по коленям и причитали, а молодые отводили глаза и опрометью бежали к дому. Возвращались они столь же молниеносно и отчего-то несли в руках простыни, шали и одеяла. За спинами зевак не было видно, что же такое-эдакое лежит в этом таинственном свертке. Он не решился окликнуть прохожих и поинтересоваться. Вокруг стоял шум-гам, царила неразбериха.

Между тем поток людей к «месту событий» не оскудевал. Некая молодая женщина спешила туда с малышом на руках. Одной рукой она держала ребенка, а другой на ходу встряхивала содержимое бутылочки, будто не нашла лучшего места, чтобы покормить своего маленького.

Несколько мужчин, подойдя к котельной, взглянули на лежавший у стены сверток и молча отвернулись. Отодвинувшись в сторонку, они принялись перешептываться, на чем свет стоит ругая изверга, сотворившего такое. Содержимое пакета вызвало нешуточный интерес. Разумеется, это не мог быть мусор или отравленное животное, иначе зачем людям подниматься ни свет, ни заря и толпиться вокруг. И потом, мусором, раскиданным по улице, соседей было не удивить, поскольку они сами без зазрения совести швыряли его с балконов и окон, куда придется. И происходило это даже не под покровом ночи, а днем, у всех на глазах.

Он с интересом смотрел в окно, а в голове кружили мрачные мысли. «А может, в пакете расчлененный труп человека или чьи-то останки», – подумал он и поёжился. Его одолевало желание задернуть шторы и забыть обо всем, но любопытство все же взяло верх. Вдруг среди людского потока он разглядел Нусрэта. Он внимательно прищелкнул. Да, сомнений быть не могло – это был шофер Нусрэт. Он узнал его по походке. Нусрэт в свойственной ему манере проворно рассекал толпу, продвигаясь к таинственному свертку. Кепка выдавала его похлеце любого опознавательного знака. Как всегда, нацепил он ее на голову, натянув аж до мочек ушей. Эту кепку когда-то он сам подарил Нусрэту. Прошлым летом, отдыхая в Ставрополе, он купил ее, но так и не надел, узнав, что кепку пошил шапочник-армянин. Но и выбросить не решился, все-таки немалые деньги уплатил. И тут пришла ему в голову идея подарить эту кепку Нусрэту. Тот подарку обрадовался. Носил он эту кепку, не снимая, не только оттого, что шибко она ему приглянулась, но и в знак почтения к дарителю. Разумеется, о шапочнике-армянине он не знал, иначе точно не надел бы ее...

Вдруг до него донесся истощный крик младенца. «Видно, это плачет малыш, которого несла на руках та молодая женщина», – успокаивал он себя. Ребенок разрывался от крика, будто резали его по живому. Приглядевшись, он убедился, что плачет тот самый младенец, отчего-то оказавшийся на руках посторонней женщины и рыдавший в тоске по матери. Наконец, его передали матери и он тут же утих. Схватив малыша, она, все так же потрясая бутылочкой, спешила домой, будто дома ждал ее еще один младенец.

Дворовые знатоки, дымившие в сторонке сигаретами и глубокомысленно о чем-то рассуждавшие, теперь принялись галдеть по телефонам. Среди них, разумеется, был и Нусрэт. Они в унисон тыкали кнопки мобильных и болтали наперебой, а потом многозначительно переглядывались и шептались. Габиб не слышал их разговор, но примерно уяснил для себя, в чем тут дело.

Вот среди женщин показалась внушительная фигура Алиды. Бойкая на язык, шустрая и хваткая, она могла заткнуть за пазуху любого. Помимо всего прочего, ее габариты отбивали всякое желание спорить. «Берите», – скомандовала она своим зычным голосом, и несколько женщин тут же подались вперед. Он увидел, как женщины вынули из свертка нечто и, укутав простыней, уложили в потрепанную детскую коляску. Габиб узнал эту коляску. С прошлого года валялась она во дворе – днем на ней лихачили местные сорвиголовы, а ночью она служила укрытием для дворовых кошек и собак.

Терпение Габиба иссякло. Махнув рукой на боль, он, кое-как одевшись, спустился во двор, направился к месту событий и, поздоровавшись с мужчинами, покопился на коляску. Поначалу он думал расспросить соседей, но потом все же решил увидеть трепетно оберегаемое содержимое коляски. Издали заприметив его, шофер Нусрэт подошел, поздоровался и, ухватившись обеими руками, потряс протянутую ему в ответ руку. «Здравствуйте, Габиб муаллим», – произнес он и уверенно двинулся вперед, рассекая толпу. Женщины, словно оцепенев от ужаса, стояли, крепко зажав рты ладонями, очевидно, для того, чтобы крик невольно не вырвался из их груди. Они отшатывались в стороны, уступая дорогу Габибу, и искоса поглядывали на него в предвкушении того, что сотворится с ним от представшей перед глазами кар-

тины. Добравшись до старой коляски, он потянулся и аккуратно тронул лежавший в ней странный сверток. Содержимое свертка встрепенулось и зашевелилось. Приоткрыв сверток, он увидел посиневшее от холода лицо новорожденного, едва выглядывавшее из простыни. Он лежал с полуоткрытыми веками. Будто ощутив прикосновение родного человека, малыш расплакался. Холодный пот прошиб Габиба. Содрогнувшись, он отпрянул, однако поймав на себе наивный, как у лежащего в коляске младенца, взгляд Нусу, несколько приободрился. Малыш плакал и кричал похлеще ребенка, закатившего накануне истерику в отместку за то, что его оторвали от матери. Видно, младенец в коляске был голоден. А может, его не кормили с самого рождения. Пожилая женщина поднесла к его ротику бутылочку с молоком, и он, покушав и набравшись сил, закричал с новой силой, будто громко возвещая о своем появлении на свет. Женщины в толпе, желая успокоить истошно плачущего младенца, мерно покачивали коляску, но он всё не унимался. Отчего-то никто из женщин не решался взять его на руки. Видно, в их разумении этот брошенный на произвол судьбы младенец, вынутый из свертка и переложенный в старую, дряхлую коляску, был плодом чудовищной ошибки, олицетворением тяжкого греха, к которому они боялись прикоснуться.

Габиб еще раз взглянул на малыша в коляске и столпившихся вокруг него женщин, и принялся искать глазами Нусрэта, но знакомой кепки, надвинутой на уши, он так и не заметил. Видно, предположив, что Габиб обратится к нему с просьбой найти выход из положения, ушлый Нусрэт поспешно растворился в толпе.

Габиб больше не мог выносить истошных криков младенца и отошел в сторонку, где стояли мужчины. Вскоре плач новорожденного заглушили звуки сирены скорой помощи. Машина остановилась неподалеку. Выскочившая из нее дородная медсестра спешно направилась к коляске и, достав оттуда укутанного в простыню младенца, под изумленными взглядами женщин быстрыми шагами вернулась обратно в машину. Пока скорая помощь не скрылась из виду, женщины смотрели ей вслед и возмущенно покачивали головами, кляня весь белый свет и заплутавших, сошедших с праведного пути людей. Крик найденного на мусорке младенца все еще звенел в ушах и, словно, впитавшись в стены, деревья и окна, застил все вокруг тяжелой пеленой. Габиба бросило в дрожь. Вопреки сложившейся годами привычке он с утра еще не пил горячего чая. Габиб глянул вслед скорой помощи.

Толпа потихоньку рассеялась, люди, как ни в чем не бывало, разбрелись кто куда, одни разошлись по домам, а другие ушли по делам. Просторный двор напомнил опустевший зрительный зал после аншлага на сцене. Посиневшее от холода лицо младенца и его истошный крик при виде нагнувшегося к нему Габиба, до сих пор стояли перед глазами и щемили ему сердце.

Мысли навеяли воспоминания о фотографии, в последнее время то и дело передаваемой по телевидению. Кажется, это была фотография сирийского мальчика, который, спасаясь от верной гибели, бросился в ледяную воду и попал, что называется, из огня да в полымя. Смерть настигла несчастного в морской пучине, а волны, как немую укоризну, вынесли его бездыханное тело на берег. Жертва очередной трагедии, разыгравшейся на глазах у всего мира, уснула вечным сном, и воскресить ее были бессильны и протяжный рев вздымающихся гребней волн, и буря возмущения этой безвременной кончиной.

Будто вновь услышав поутру истошные крики младенца, отчего-то звучавшие еще более оглушительно, Габиб вздрогнул и огляделся вокруг. «Смог ли, успел ли тот несчастный малыш, утонувший в суровых морских водах и выброшенный после смерти на берег, вскрикнуть, возвестив о себе, как взывают о помощи дети в последние мгновения своей жизни?! Если все же вскрикнул, значит, предсмертный крик его, смешавшись с криками других детей, гулким эхом отзывается в каком-то уголке мира.

Мог ли душераздирающий вопль, разбудивший Габиба среди ночи и разбередивший его память, быть криком тех младенцев?! А может... Может, то был предсмертный стон малышей, замученных армянами в плену, подвергшихся уму непостижимым пыткам и погибших мучительной смертью... О Боже! Господи, эти крики рвали душу на части! Глаза несчастных малышей выкатывались из орбит от ужаса, который довелось им испытать перед смертью. Какие невыносимые муки и несчастья в этом треклятом мире! Пропади он пропадом, если терпит извергов, поднявших руку на детей!

Ужасные сцены, которые довелось Габибу повидать в жизни, вихрем пронеслись в его голове, разворошив память. Содрогнулся он, вспомнив глаза уставившегося на него младенца в старой, потрепанной коляске, в глубине которых застыло удивление и немой вопрос: «Почему я?»; кадры с несчастным сирийским мальчиком, чье бездыханное тело было выброшено волнами на берег; карабахских детишек, ставших жертвами армянских палачей...

... Заснеженной зимней ночью армянские изверги вероломно напали на очередное наше село в Карабахе, учинив беспощадную расправу над мирным населением, ни в чем не повинными людьми, подвергнув их уму непостижимым мучениям и вынудив покинуть родные очаги. Проваливаясь в сугробы, несчастные сельчане той злополучной ночью бежали из отчих домов, покидали родные места, спасаясь бегством от вооруженного до зубов лютого врага. Опустело, стало руинами целое село... Стерлось с лица земли... Жители некогда цветущего края вмиг лишились крова, став беженцами на своей вековой земле. Среди них были пожилые и молодые, невесты, девушки, девочки. Младенцы и дети... Тяжкая выпала им доля...

Один эпизод потряс Габиба до глубины души.

Той студеной ночью мать бежала, привязав к спине свою кроху. Сугробы были по колено. Среди снегов, так и веявших смертью, ее согревало лишь собственное дыхание. Затаилась она в лесу, боясь даже выдохнуть, чтобы не выдать себя и остальных, как вдруг почувствовала беспокойное шевеление малышки. Ее плач означал верную смерть. Враг шел по пятам, прислушиваясь к малейшему шороху. Сколько людей погибло бы от одного писка младенца, сколько судеб было бы сломано... Какая чудовищная расправа ожидала этих людей...

Мать осторожно вытащила младенца из перевязи и взяла на руки. При каждом шевелении ребенка она все больше прижимала его к груди. Мать, в муках давшая жизнь своему малышу, заботливо качающая его на руках и трепетно отзывавшаяся на каждый его вздох, той студеной ночью была вынуждена задушить свое дитя в объятьях, чтобы сохранить жизнь людям, так же, как она, прятавшимся среди деревьев в заснеженном лесу. Той злосчастной ночью материнские объятья стали лоном смерти ребенка...

Габиб горестно перебирал воспоминания, думая о том, что крик, разбудивший его среди ночи, вероятно, был воплем отчаяния несчастной матери, в чьей душе навсегда будет отдаваться укором предсмертный хрип задушенного ею младенца.

Одолеваемый мучительными думами, Габиб остановил взгляд на той самой дряхлой, замызганной коляске, где еще недавно лежал малыш.

Кошки, которым было неизвестно о происходившем здесь накануне, вновь облюбовали коляску и, мурлыча, вертелись вокруг. Вдруг одна из кошек, очевидно, влекомая ароматом пролившегося молока, ловко юркнула в коляску. Обнюхав все углы, она повела мордочкой и свернулась калачиком. Коляска все еще хранила тепло малыша. Довольная укромным местечком, кошка блаженно уснула.

Это была единственная мало-мальски душевная и теплая сцена, которую довелось увидеть Габибу с самого утра, когда ни свет, ни заря пробудился он от истошного крика...

ТРЕЛИ ВОЛШЕБНОЙ ПТИЦЫ

Воспоминания о том событии ноющей, тягучей болью разлились по его телу. Ломота в костях вновь заявила о себе. Вдруг, оторвавшись от дум, он застал себя на том, что непроизвольно водил правой рукой по месту некогда нестерпимой боли, не дававшей ему покоя ни днем, ни ночью. Избавлением от сумбура в голове и воспоминаний, от которых бросало его кромешной ночной мглой то в жар, то в холод, мог быть только сон или, на худой конец, дремота. Но веки, как назло, не смыкались, да и как уснуть под такой обузой... Он улегся на кровать и закрыл глаза. А толку?! Сон словно заплутал на пути к нему. Память, как заведенная, воскрешала воспоминания и на мгновение показалось Габибу, будто уловил он, как в молодые годы, аромат свежее выпеченного в тендире горячего хлеба и даже ощутил его невероятный вкус. Под впечатлением мозг несколько сбавил обороты. Он словно блуждал между явью и сном...

***

... Каким-то образом он вдруг оказался в гостях у пренеприятного типа, с которым издавна водил знакомство. Хозяин дома оказался гораздо бодрее и проворнее, чем представлялось ему, и к тому же был чрезвычайно опрятен. Как ни парадоксально, он сейчас рассиживал с презираемым им человеком в кресле и вел с ним задушевную беседу. На кухне напротив аппетитно пахло. Предвкушая вкусную еду, они с нетерпением ожидали того, что бурлило и кипело под крышкой кастрюльки. Похоже, он и хозяин дома изрядно проголодались. Коротая время, они прохаживались по двору и болтали о всякой ерунде. То о воде заговорят, то о погоде. Вдруг у него пропал аппетит и исчезло всякое желание ужинать у закадычного приятеля.

– Я, пожалуй, пойду, поздно уже, – произнес он и, не дожидаясь ответа, вскочил с места. Верный конь дождался его на привязи у изгороди. Забыв о приличиях и не внемля просьбам хозяина дома, упрасивавшего его остаться, он вышел во двор и отвязал лошадь. Только он закинул ногу в стремя, как в дверях показалась хозяйка дома.

– Я на работу собираюсь, – сказала она. – А вы как раз будете ехать мимо, может, и меня с собой возьмете?..

И, не дожидаясь ответа, подошла к нему кокетливой походкой. А он стоял, смущенный и нерешительный. Что подумают люди, увидев в его седле постороннюю женщину? Разве не осудят его? А с другой стороны, пристало ли мужчине игнорировать просьбу женщины? Решение следовало принять незамедлительно. «Ничего, посажу ее в седло, а сам поведу коня под уздцы», – подумал он.

И не успел опомниться, как пробудился и вскочил от ворвавшегося в комнату истошного вопля. «Как хорошо, что я вовремя проснулся, а то пришлось бы сажать на коня жену этого отвратительного человека. Мало того, что сам потащился бы пешком, так еще кривотолки потом поползли бы. Худо было бы мне...», – подумал Габиб.

***

Габиб сокрушался о состоянии тех, кто страдал бессонницей, кляня в сердцах придумавших фразу «сон подобен смерти». Едва пришли в действие внутренние силы человека, как мысли и разум тут же очистились и просветлели. А ничто так не придавало сил, как крепкий здоровый сон. Он припоминал времена, когда спал, мерно посапывая в своей постели, и грезилась ему сны сладостные, точно медовый нектар. Интересно, сколько снов дано увидеть человеку? Что навсегда врезается в память – ночные кошмары или сны, вызывающие блаженную улыбку даже наяву?! Теперь, когда бессонница щемила глаза, проникая острыми, ядовитыми шипами в его сознание, все его тогдашние сны и даже самые ужасные из них отдавались в памяти сла-

достными воспоминаниями. Габибу пришли на память слова его друга Бахруза, хоть и уступавшего ему в возрасте, но умного не по годам, отчего вполне заслуженно прозванного ходячей энциклопедией. Бахруз говаривал, что за всю свою жизнь человек запоминает от силы десять процентов снов. А сколько их отложилось в голове Габиба? Как определить, измерить это? К тому же в памяти Габиба были видения на грани яви и сна, в которых блуждал он, теряясь в догадках, привиделось ему это или случилось на самом деле. И вот сидел он и кропотливо перебирал в памяти события, и одно из них запало ему в душу, не давая покоя. Габиб потирал виски, словно желая вытравить это воспоминание из головы и избавиться от перенесенного потрясения. Но всё тщетно. Чей-то истошный крик звенел в ушах, отдаваясь болью в висках. Как давнишний знакомый, возникал он из ниоткуда и не желал уходить. Казалось Габибу, что потеряв виски и напрягшись, он мигом вспомнит того, кто издал этот крик, и откуда он мог взяться. С этим намерением поднес он пальцы к вискам, но не успел коснуться их, как воспоминания потоком хлынули...

... Вахид... Да, именно так звали того громилу с зычным голосом, походившим на скрип старой телеги... Разве такого забудешь?!

... События давно минувших дней вновь пронеслись перед глазами...

Были времена, когда бродил он одиноко, предаваясь собственным мыслям и ощущениям. Одним словом, был наедине с собой. Где бы ни оказывался он, всюду ступал осторожно, с опаской, озирался туда-сюда и шел молча, не роняя ни единого звука. Точнее, он хотел затеять разговор, но никак не решался. Прохожие искоса поглядывали на него, а он все молчал, поглощенный своими мыслями. Но однажды ему так наскучило молча созерцать все вокруг, что он засобирился уходить. Но ступал он не как прежде, а еле волочил ноги. Задумчивый, потихоньку добрался он до второго этажа четырехэтажного дома и встал у лестницы, оперевшись о перила. Он думал перевести дыхание и после того, как осядут мысли и мечты, потихоньку спуститься во двор. Там, разумеется, было бы не так одиноко. Возможно, среди людей его печаль и стеснение развеялись бы, как и мысли, бродившие в голове.

... Вдруг снизу раздался ужасный вопль, заставивший его содрогнуться. А вслед за этим скороговоркой, в той же интонации, вылетела фраза, разразившаяся, как гром среди ясного неба. Это был Вахид, с которым он познакомился во дворе пару дней назад. Он, как заправский начальник, командовал своими подручными. «Ээйй, Сафар! Тащи, давай, сюда мою сумку с вещами, чего стоишь?» – горланил он одному из них.

Очевидно, жуткий ор Вахида, пробравший его до самых костей, вызвал беспокойство у окружающих. Пока явился этот самый Сафар, он потихоньку сошел по лестнице и добрался до площадки, где стоял Вахид. В этот момент проходившая мимо пожилая женщина с широко распахнутыми то ли от удивления, то ли от ужаса глазами, закрыв уши, возмущенно заявила Вахиду: «Ради Бога, не орите так, это невыносимо», – взмолилась она.

Вахид окинул несчастную бестолковым и свирепым взглядом и в свойственной ему бесцеремонной манере громко, во всеулышание пробасил:

– Только погляди на эту старуху, что же мне, голоса лишиться?!

Он привык повелевать и не терпел возражений. Вчера он точно так же орал, кажется, тому же Сафару, стоявшему в нескольких шагах от него. Выдув в один присест целый стакан родниковой воды, он завопил:

– Сафар! На, возьми этот стакан, отнеси на место!

Сафар тут же раболепно подскочил и безо всяких возражений выполнил его поручение. «Будь неладна такая жизнь!», – мелькнуло в его голове, когда он глядел на молча повиновавшегося Сафара. И еще подумал он, что, видно, Вахид не привык размениваться по мелочам, а о том, чтобы говорить потише, без ора и крика, и вовсе не могло быть речи. И вдруг возник в его памяти могучий, полый внутри дуб, растущий

среди кланяющихся ему в ноги деревьев. Однажды дуб, не вынеся мучений, с шумом и треском грохнулся на землю, придавив и те росточки, которым выпало несчастье расти поблизости от него. «Ор Вахида напоминает оглушительный треск полого дуба, внезапно с шумом рухнувшего наземь», – подумал он.

Раболепная покорность Сафара была отдельной историей. Вот и сейчас стоял он по стойке смирно, сжимая в руке сумку Вахида и замерев в ожидании очередного приказа. И еще припомнил Габиб, что несколькими днями ранее он увидел из окна Сафара, вылезавшего из огромного черного автомобиля, на котором крупными буквами было отчеканено слово «Амбал». Да, зрение не обмануло его, это было слово «Амбал». Он тогда еще подумал, как тяжело досталась ему, должно быть, такая махина, каких невероятных трудов стоила она ему...

А теперь этот хам Вахид нагрубил пожилой женщине, годящейся ему в матери. В его душе поднялось возмущение, в сердцах ругал он этого Вахида самыми последними словами и, взглянув на него с отвращением, подошел к той самой пожилой женщине.

– Пойдемте со мной, здесь уже загадили воздух. Пойдемте, вдохнем в легкие чистый воздух.

Он взял опешившую женщину под руку и увел ее подальше от Вахида.

Разом замолкли все птицы в клетках, висевших на стенке площадки. От изумления они перестали верещать. А может, постыдились слова «старуха», брошенного в лицо седовласой, почтенной женщине. Или же проглотили язык от ужасающего вопля громилы Вахида и замерли в ожидании его ухода.

Вспомнилась ему история о трелях Волшебной Жар-птицы.

Жила-была Волшебная птица. Никто никогда не видел ее, но отовсюду доносились ее трели, и казалось, будто она где-то совсем рядом. Эта птица жила в сердцах, во взглядах и мыслях любивших ее людей. Ее трели можно было услышать в сказочно красивых, живописных уголках природы. На берегу моря ее волшебные песни разносило горное эхо, среди густых лесов она пела шелестом листьев, перешептывающихся друг с дружкой, а в горах ее присутствие ощущалось в дуновении прохладного ветерка. Тот, кому посчастливилось услышать ее пение, кричал от восторга до хрипоты, а потом, обняв колени, рыдал от умиления. Порой, чтобы услышать ее волшебный голосок, не надо было нырять в море, бродить по лесной чаще или взбираться на гору, довольно было, чтобы в сердце заронила искра любви. Прилетала Волшебная птица на печальный крик разбитого сердца. Едва взгрустнешь и опечалишься, как согреет душу ее чудодейственное пение, разгонит она грусть-тоску незримыми крылами. Ты услышишь эти невесомые взмахи, ее трели всколыхнут твоё сердце, западут в душу. Нежным пухом смахнет она слезы с глаз твоих, утешит и вселит надежду. Ты захочешь наслаждаться ее пением вновь и вновь, преодолевая страдания, расставания и утраты, страхи забыть и быть забытым. А иначе не услышать сладостных трелей этой птицы. Однажды, забыв обо всем, ты помчишься в те края, куда доносится пение Волшебной птицы. На пути повстречается тебе слепой старец, желающий испить воды из колодца. Напив немощного старика, ты сделаешь доброе дело. А потом, увлеченный трелями Волшебной птицы, пойдешь своей дорогой. Долго ли, коротко ли будешь идти, и покажется тебе раненный, истекающий кровью джиган. Разорвав на себе рубаху, ты заботливо перевяжешь его ранку и положишь конец страданиям матери этого малыша. В заботах и хлопотах ты забудешь о своих болях. И снова пустишься в путь-дорогу. Повстречается тебе дивная кеклик, бьющаяся в силках охотника. Выпустишь ее на волю и сделаешь еще одно благое дело. И сколько еще добрых дел совершишь ты под чудодейственную музыку этой птицы. А потом и вовсе не захочется тебе покидать этот мир добрых дел и поступков. Преобразится твоя суть, перевернется внутренний мир, не останется тебя прежнего и растворится Волшебная птица.

Габибу показалось, что он тоже пустился по следам Волшебной птицы и пути обратно не будет – все мосты сожжены. Стояла глубокая ночь, но до рассвета оставалось еще довольно много времени. Переворотив память, понял он, что крик, поднявший его среди ночи и неотступно преследующий, лишив покоя и сна, не был ревом громилы-Вахида. Да и не мог быть. И на то была простая причина – он слышал крик, но никак не звериный рык! «До чего несправедливо, – думал он, – называть звуком душераздирающий рёв Вахида и щебетание птиц...» В его понимании, это были два полюса, две совершенно расхожие стихии. Он считал чем-то кощунственным сравнение трелей Жар-птицы и чудесного щебетания пташек, дарующих душе покой и умиротворение, с ужасным рыком верзилы. «Это недопустимо! – в сердцах возмущался он. – И бессовестно, в конце концов!»

ВСТРЕЧА С САМАНДАР или КОНИ, ПОЧУЯВШИЕ БЕЗУМЦА

Он хотел заглянуть в ячейки памяти, хранящие радостные и теплые мгновения жизни, чтобы разогнать обуревавшие его мрачные мысли и обрести, наконец, долгожданный покой. Он напрягал память, пытаясь выудить оттуда и воскресить ласковые голоса и добрые лица, видя в том избавление от уныния, завладевшего всем его существом. Это походило на то, как промозглыми вечерами копошишься у костра или мангала, выискивая среди прочих дарящие тепло и радующие глаз крупные, озорно подмигивающие красные угольки. Он истово верил, что, разбередив память и обшарив все ее потаенные уголки, непременно отыщет желаемые воспоминания. Он то корил себя за мрачные мысли и уныние, то взывал к милости своей памяти, всецело уповая на нее. «Столько лет живешь на свете, многое видел-перевидел, повсюду бывал, с какими только людьми не водил знакомство, ну неужели в этой веренице лет не нашлось ни одного дня, способного развеселить и воодушевить тебя?! Неужто не приходят на ум хорошие события, ласковые голоса и добрые лица?», – все ругал он себя.

Нежелание вспоминать хорошие мгновения жизни и одержимое припоминание печальных, горестных событий в его представлении были признаками черной неблагодарности. Запирывание теплых, сладостных воспоминаний в мрачные, потайные, недоступные сознанию уголки памяти он искренне считал проявлением безалаберности и святотатством. Именно эти качества, по его глубокому убеждению, мешали по достоинству оценить и с благодарностью вспомнить всё хорошее, что было в жизни. В лабиринте таких необъяснимых, путаных мыслей и смутных ощущений блуждала его душа. И не открыться никому, не поверить своей тайны. Он в одиночку терпел все тяготы, стойко переносил бессонницу, усталость и преодолевал страх перед туманной будущностью.

Непроглядная ночная мгла и глухая тишина подрывали силы Габиба. Губы, будто заклинание, шептали возникшие в голове строки, как нельзя точно описывающие нынешнее его состояние.

*Вот и ночь смыкает веки,
Сон ее я стерегу.
Полог ночи беспросветной
Я лучами рассеку.
И крошечное унынье,
Как смогу,
Превозмогу.*

В голове возникли вопросы, которые он мог задать только себе, и на которые только сам он знал ответы. Внутренний диалог терзал и донимал его.

– В минуты печали и уныния о ком задумался ты, что сразу пришло тебе на ум?
– Воспоминаний уйма. Подобно мириадам звезд, поблескивают они, ослепляя меня своим блеском. Если бы только я знал ответ!

– В такие мгновения выискиваешь ли ты того, кто вырвет тебя из лап смутных чувств и поведет верным путем по лабиринту мыслей и чувств?

– Еще как ищу! Ловлю каждый звук, каждый взгляд, каждый лик и походку... С каждым из них связываю я надежды. Может, вдруг прольется поток света, или возникнет тропинка, или коснется лица прохладный ветерок... Но нет. Память играет со мной злую шутку. В такие мгновения мои надежды несутся вскачь, будто дикие, непокорные кони...

Так уж повелось, что звуки рождают слова, а тут случилось наоборот. При слове «кони» возникли в памяти Габиба родные отзвуки, нахлынули теплыми воспоминаниями о верном друге! Стук копыт и ржанье вихрем несущейся вороной лошади слились воедино. Камни, будто искры, летели из-под ее копыт, вздымалась она на дыбы, и победный клич ее разносился окрест.

Согрелась душа Габиба, просветлел его разум. Не боясь разочароваться, вновь нырнул он в омут надежды с головой, поверив в то, что звук, разбудивший его среди ночи и завлекший в силки мрачных, как ночная мгла, мыслей и тягостных раздумий мог оказаться конским ржаньем. Так хотелось поверить ему в это! А все потому, что отзвук этот напомнил ему Самандар.

***

Давненько он не навещал Самандар. Свое тогдашнее смятение он почему-то увязал с тоской по верному другу. Сжалось сердце его, и решил он во что бы то ни стало, прямо сейчас, вечерней порой проведать свою лошадь. Машина ползла по серпантину рыхлой дороги, пробираясь сквозь густые заросли.

– Наддай газу, в темноте я вряд ли увижу Самандар, – сказал он водителю.

Махнув рукой в сторону склоняющихся до земли и порой, точно веником, обметающих стекла кустарников, он поинтересовался: «Смогу ли я среди этой поросли отыскать в ночной мгле Самандар?»

Он беспокойно озирался, глядя, как сгущаются сумерки.

– Успеем, не беспокойтесь! – воодушевленно произнес водитель и прибавил скорость.

Они почти добрались, как вдруг заприметили на перевале, в том самом месте, где раньше была лужица, глубокую канаву. Он ломал голову над тем, сколь глубокой она могла оказаться. И, предположив, что ни пройти ее, ни проехать, разочарованно опустил голову. «Видно, не судьба мне сегодня увидеть Самандар! Жалко, а я так надеялся! Вряд ли проедем через эту канаву», – насупившись, процедил он.

Но уверенность шофера несколько приободрила его и вселила надежду.

– Я знаю эти места как свои пять пальцев! Взгляните, вон там небольшая насыпь, проедем! – бойко произнес водитель, указав на середину канавы.

Разогнавшись, машина переехала через канаву в том месте, о котором говорил шофер. Габиб вздохнул с облегчением. Он всё опасался, что машина увязнет. И как потом выбираться отсюда, на ночь глядя, кто подоспеет на помощь и вытащит их? Но, слава Богу, все обошлось, и они преодолели препятствие, а значит, таким же путем вернутся обратно. Ощущение триумфа развеяло его страхи и опасения.

Он еще издала заприметил Самандар. Едва машина затормозила, он выскочил и торопливо направился на встречу с верным другом. Самандар была у пруда среди зарослей. Он громко окликнул ее. Лошадь вскинула голову, тряхнула гривой и затрусил к нему, прихрамывая на левую ногу. «Старость – не радость», – прошептал Габиб, тяжело вздохнув. Вблизи «Самандар» показалась ему довольно бодрой. Как всегда, лошадь поражала своей грациозной статью. Замерев, он восторженно глядел

на свою красавицу. Самандар приблизилась и склонила голову ему на грудь. С минуту они стояли молча. «Почему ты так редко меня навещаешь?», – читался вопрос в красивых и печальных глазах ее, под которыми залегли морщины. Боже, нос и лоб ее были испещрены глубокими трещинами! Самандар фыркала, тыкаясь ему в плечо узкой породистой мордой, раздувала ноздри, вдыхая его запах, словно опасаясь, что он опять уйдет. Столько всего накопилось в душе Габиба! «Как ты, Самандар? Чего воротить нос, никак, обиделась?» – вопрошал Габиб.

Самандар вскинула голову, тряхнула гривой. Габиб понимал ее без слов.

– Видно, сердисься на меня, думаешь, отчего не навещал тебя так долго! Не так ли, Самандар?! И еще наверняка в сердцах коришь меня. Думаешь, что забыл я, как мчались мы с тобой по ухабистым дорогам и выносила ты меня отовсюду, не сетуя на усталость. Как неслась ты вперед, даже если грязь была по щиколотку, зной нещадно пек и камни рвали в кровь копыта. Ты никогда не обижалась и не сетовала на усталость. Ты сотни раз права, укоряя меня. Ты вправе попрекать меня, Самандар! Я заслужил это. Видно, не был я тебе верным другом, пренебрег нашей дружбой. Да, ты права, я нечасто навещаю тебя, но знай, что ты всегда в моем сердце. Я никогда не забуду тебя, мой друг. Недаром ты Самандар, единственная и неповторимая!

Самандар вскинула голову, озорные искорки заиграли в глазах ее. От печали не осталось и следа.

– Я так рад видеть тебя бодрой и веселой, Самандар! Значит, тебе хорошо и комфортно. И в корме недостатка нет, видать. Не так ли?

Будто поняв слова друга, Самандар тряхнула гривой. Радость и любовь овладели Габибом, хоть отчасти и горевал он по дням минувшим.

– Как сейчас помню, лет десять-двенадцать назад ты была строптива и норовиста. И целого мира было мало тебе. Ни к чему тебе были ласки и нежности. Один мой взмах – и ты летела, как стрела, пущенная из тетивы. Умная и чуткая, ты всегда была мне верным другом. Столько лет прошло, а ты ничуть не изменилась. Не видя и не слыша меня, ты, как и прежде, узнаешь меня сразу. Спасибо, мой надежный, верный, друг! Знаю, что ты возразишь мне... Верно, скажешь – я-то прежняя Самандар, а ты каков? Ходишь чужаком. Знаю, ты тоскуешь по мне и желаешь видаться почаще, ощущать меня рядом, дабы знать наверняка, что я жив-здоров.

Он ласково водил рукой по крупу лошади, перебирал пальцами лохматую гриву. Самандар стояла, не шелохнувшись, весь ее вид источал блаженство и радость. Как же тосковал он и до чего хотелось ему продлить эти мгновения неопишемого счастья. Габиб вновь провел рукой по гриве лошади и, расстрогавшись, прослезился. Самандар, словно, читая в его сердце, тыкалась мордой в грудь старого друга и, крепко уперевшись хромой ногой, пыталась держаться стойко и бодро.

Вдруг, откуда ни возьмись, неподалеку возник годовалый жеребенок. Взгляд Самандар воспылал гордостью. «Гляди, кто пришел!» – читалось в глубине ее глаз. Малыш косился на чужака, никак не решаясь подойти. Спустя некоторое время он, пообвыкнув, сделал робкие шажки вперед, словно признав в незнакомце близкого. Его уверенность вдохновила Габиба. Тут он вспомнил о гостинцах. Обернувшись, он подал знак водителю, и тот, схватив сверток из машины, помчался к ожидавшему его Габибу. Забрав сверток у водителя, он тут же развернул его.

– Самандар, друг мой, я пришел не с пустыми руками. Гляди, что я принес. Твои любимые сладости!..

Габиб вытянул ладошку, полную сладостей. Чтобы раззадорить Самандар, он поднес ладонь к ноздрям лошади, слегка повел по ее губам. Ощувив знакомый аромат, Самандар принялась за лакомства. Жеребенок украдкой глядел на них, ожидая, когда же и ему достанется вкусных гостинцев.

...Время пролетело незаметно. И только оторвав взгляд от Самандар, он ощутил, какая крошечная мгла стояла вокруг. Настала пора прощаться. Габиб взглянул

в глаза Самандар и понял, что умная, чуткая лошадь его почувствовала близость расставания.

– Ничего не поделаешь, мне пора идти, дружок.

Самандар опустила голову. Поняла она, что Габиб уходит, и глаза ее погрустнели. «Когда еще свидимся и свидимся ли?» – говорили они. Ком подступил к горлу Габиба, блеснули слезы в глазах его.

– Разлука не будет долгой, клянусь тебе, я скоро вернусь, вот увидишь. Мой верный, хороший друг, не грусти. Приглядывай за малышом. Ну, всё иди, поздно уже. Иди, и я пойду своей дорогой...

Самандар, понурив голову, неохотно побрела тихим шагом, постепенно исчезая в ночной мгле. Напоследок она обернулась и окинула прощальным взглядом Габиба. Вонзился этот взгляд, будто острая игла, в самое сердце Габиба. Утирая платком глаза, поплелся он к машине, как вдруг послышалось позади грустное, протяжное конское ржание. Габиб обернулся и в сумраке еле разглядел удаляющуюся фигуру Самандар. Вспомнил он, как в былые времена до самых небес поднимался клич его друга. Защемило сердце его. Но, что ни говори, было нечто завораживающее и в былом залихватски-пылком кличе Самандар, и в нынешнем печальном ее возгласе.

***

Воспоминания о неповторимом, окрыляющем зове Самандар подарили Габибу покой и умиротворение. То, как живо воссоздал он в памяти один из самых волнительных моментов, словно остудило воспаленный разум его. Удивительная штука память – изводишься, припоминая что-то, а вспомнив, обретаешь невероятное успокоение.

Габиб понимал, что покой его временный, поскольку не нашел он ответа на свой вопрос. Грусть вплеталась в веселье при воспоминании о Самандар, тоска закрадывалась в душу, но никак не беспокоило. Нет, то был не крик, разбудивший его среди ночи и лишивший покоя. А значит, памяти предстояло вновь обрести и теряться, плутая в лабиринтах смутных чувств и ощущений.

Воспоминания о Самандар навяли на него мысли о Гарадже. Выползли они откуда-то из потайных уголков подсознания и, судя по всему, неслучайно. Вспомнился ему один примечательный случай из прошлого...

Привычно он как-то Гараджу среди деревьев на лужайке, а сам стоял в стонке и поглядывал на нее. Гараджа была жеребенком Самандар и приходилась сестрой Туфану. Паслась она на лужайке одна, пощипывая травку, и, надо сказать, делала это с удовольствием. Будто косою, сметала она острыми зубами сочную, зеленую траву и смачно заглатывала ее. Послышался Габибу скрежет зубов ее, напоминавший звук пилы, вгрызавшейся в стволы массивных дубов и ореховых деревьев и расщеплявшей их на тонкие доски.

Порой, когда доводилось ему бывать на выпасе, Сабухи оказывался рядом. Не стал исключением и тот день. Когда-то они дружили с Айдын-муаллимом. В ту пору у их общего друга было много свободного времени – работал он психологом в профшколе. Но потом судьба развела их. К тому же Айдын-муаллим предпочитал простору полей тесные, душные библиотеки и читальни, посещал редакции газет и журналов. А Сабухи любил поля и степи, проявлял недюжинный интерес к лошадям. Так и сблизился он с Габибом. Сабухи был холост. Первая жена родила ему сына и дочь, а от второй у него не было детей, так и разошлись они. Умелым, мастеровитым человеком был Сабухи, дело спорилось в его руках. Был он и каменщиком, и столяром, и сварщиком, и земли орошать умел. А провести воду и свет вообще было для него плёвым делом. Он хорошо разбирался во всем, был, что называется, на все руки мастером. Корысть и алчность были чужды ему. Он мог работать, не покладая рук, и

даже не заикнуться о деньгах. Поручи ему выложить стену, покрыть крышу, заняться поливкой, ну, мало ли чего, и, махнув на совесть, не заплати ни гроша, он бы и глазом не моргнул. Соберет инструменты в старенький потертый чемоданчик и, не проронив ни звука, уйдет. Вот такой был человек Сабухи. Он был беден, но горд. О таких слагали легенды, передавали из уст в уста. Он мог обуздать желания, совладать с чувствами. Видно, именно таким уготовано место в раю. Сабухи был столь сдержан и степенен, что так и не привел женщину в свой дом, построенный за столько лет потом и кровью. Так и остался холостяком. Габиб из кожи лез вон, чтобы свести его с умной, благовоспитанной девушкой, но все безрезультатно.

Вот и в тот день, глядя на пасущуюся на лужайке Гараджу, он, по обыкновению, затеял с Сабухи разговор о женитьбе.

– Послушай, жениться Бог каждому велел, завязывай ты с холостяцкой жизнью, негоже ходить бобылем. Ты только скажи, я улажу дело. Столько приличных девушек кругом. Вот хотя бы... Ну, ты сам знаешь... Решайся, пошлем сватов. Пусть только попробуют отказать, – уговаривал он старого друга.

В этот момент Гараджа дернулась и испуганно забилась, мотая головой в сторону кустов напротив. Глядя на нее, пожилая тетя Мина, очевидно, по привычке растягивая слова, произнесла бы «Бис-мил-лах» и, потянув за собой длинную метлу, замерла бы, подперев ладонью подбородок. Но ее не было рядом. Да и не могло быть. Она поднималась спозаранку и, взяв в руки метлу, старательно подметала улицы до того, как прохожие, поспешая на работу, не высыпали из домов. А потом исчезала.

Габиб с детства любил лошадей. Бывало, он скакал на них часами напролет. Все это было до того, как его стали учтиво и почтительно величать «муаллимом». Заботы, хлопоты, статус и недостаток времени несколько отдалили его от любимого занятия. Но любовь к лошадям навсегда запала в его сердце, и он, оставаясь верным своему увлечению, содержал конюшню, за которой присматривал Паша. Это был подлинный стратег. Ему, на редкость исполнительному, собранному и серьезному, словно на роду было написано руководить и следить за порядком. Не остерегайся он немилости Габиба и его повелительного «А ну, стой, погоди!», еще неизвестно, куда занесло бы его тщеславие. Порой, когда чаша его терпения переполнялась и было невоготу, он роптал за спиной Габиба, которого любезно и предупредительно называл Муаллимом.

– Ей-богу, не поймешь этого Муаллима! И прыть уж не та, и возраст, еле ноги волочит, а туда же. Спрашивается, зачем тебе эти лошади?! Мало было своих, так он еще одну купил и приволок. К тому же уверяет, что лошадь эта чуть ли ни голубых кровей. Якобы (хотя так оно и есть), папаша этой лошади – английской породы, а мать – чистокровная арабка. Что за расточительство, ей-богу! По моим подсчетам, она за день съедает кормов на шестнадцать манат. Неровен час, разорит нас. Да ежедневные расходы на неё в два раза превосходят мои, черт возьми!..

Габиб прекрасно знал, откуда взялась у него такая истовая страсть к лошадям. В этом он походил на своего дядю Калби. С величавым, могучим, как чинар, дядей Калби он был не просто родней, но и добрым приятелем. Только вот не перенял Габиб стойкости дяди, не стал идти по стопам его. Обменял он мать и брата Гараджи, каждого на десять голов овец, у Баба-киши, который был родом из села Рук, что у подножия величественного Бабадага. Таким образом, семейство карабахских скакунов, к коим принадлежала и Самандар, перекочевало к подножию Бабадага, минуя пологие склоны, широкие и узенькие горные тропы. Габиб пытался уверить себя, что поступил правильно, но в глубине души все же был недоволен принятым решением.

– Теперь я спокоен за потомство Самандар. Избавились они от солончаков низин, камышовых заводей и назойливой мошкары. В высокогорье ждет их жизнь вольная, без мух и комаров. Испив воды из студеных родников, полетят они, обгоняя

друг друга, навстречу ветру, – подбадривал он себя, пытаясь скрасить горечь расставания с Туфаном.

– Я сам видел, как Муаллим обнимал Туфана за шею, трепал его за гриву и пускал слезу, когда тот приходил первым на скачках, – рассказывал Стратег друзьям и знакомым о страсти Габиба к лошадям.

Гараджа вновь забилась, дергая веревку и пытаясь вырваться.

– Сабухи, я ничего не разглядел, может, ты что увидишь, – сказал Габиб, мотнув головой в сторону густой поросли у изгороди. – Взгляни, нет ли в кустах собаки или шакала. Что-то лошадь беспокойно бьется.

Габиб еще раз поглядел в сторону изгороди.

– Да вроде нет ничего. И потом, откуда здесь взяться шакалу...

– А змея?

– В такое время года? Нет. Змеи пробудятся через месяц, – заумно произнес Сабухи, демонстрируя познания в зоологии.

– Тогда почему забилась Гараджа? Зачем ей метаться без причины...

Гараджа всё не успокаивалась. Вскинув голову, она беспокойно глядела на дорогу. Габиб и Сабухи тоже повернули головы в сторону изгороди. И вдруг оттуда показался высокий мужчина, быстрым шагом направлявшийся к ним. За мужчиной бежала долговязая женщина. Ее они тут же узнали. Это была вдова по имени Рена, соседка Малика. О том, что Малик, который был женат трижды, неровно дышит к Рене, Габиб узнал не так давно от Сабухи. А все выяснилось в ходе разговора.

– Сабухи, ты, давай, не тяни с женитьбой. Уверен, никто тебе не откажет. Вот взять хотя бы Рену... Что скажешь, пойдём, замолвим за тебя словечко?

– Нет, муаллим, ничего не выйдет.

– Как это не выйдет? Почему?

– Малик запал на нее. Сам признался однажды.

Габиб удивленно перевел взгляд с долговязого мужчины и поспешавшей за ним Рены на Сабухи. Он всё понял и, ухмыльнувшись, продолжил:

– А, это безумный. Бедолага. Его Маарифом зовут. Пару лет назад он еще был нормальным человеком, а потом сдвинулся. Видно, случилось что с несчастным. Порой я вижу его в наших краях. Бродит здесь с камнем в руках. А иногда плетется отсюда до самого центра пешком, голодный-холодный. Он не причинит вреда, хоть и умалишенный.

– Ну, ясное дело, что не таким уродился. Скажешь тоже. Кто же рождается чокнутым?! Это потом люди теряют рассудок...

Сабухи молча кивнул. Только сейчас Габиб обратил внимание на камень, который мужчина держал в руках. Возможно, Рена из опаски, что он натворит беды, погналась за ним. Мало ли чего ждать от умалишенного? В этот момент Рена обогнала его и что-то произнесла. Мужчина поднес руку к виску и отдал ей честь, а затем, развернувшись, побежал прочь.

Сабухи захлопал в ладоши и рассмеялся. Габиб же думал о совсем ином. «Выходит, Гараджа еще издали почуяла скорое появление этого мужчины и, видно, почувствовала, что он безумен и опасен», – рассуждал про себя Габиб.

Ему доводилось видеть, как лошади беспокойно фыркают и дергаются возле кладбища, даже меняют поступь, чтобы скорее обойти это место. А завидев гроб, замирают, словно прожоя покойника взглядом. Но чтобы издали, задолго до появления ощутить приближение умалишенного... Нет, такого Габибу видеть и слышать еще не приходилось.

Да к тому же кони, хоть и сторонятся кладбищ, вздрагивают, проходя мимо них, но все же хороший, верный конь без страха вынесет раненого или убитого наездника и домчит его до дома. Бесчисленное множество примеров подтверждают верность, привязанность коней к людям.

Вспомнились Габибу слова его покойной бабушки. Как-то, ведя повествование, по обыкновению, спокойным и проникновенным голосом, мудрая бабушка сказала: «Конь – чуткое, благородное существо, сынок, его стойкость и выдержка подчас просто поражают. Есть такая ноша, которую никто, кроме коня, и не выдюжит. Помню, был у красноармейца (так бабушка называла советских чекистов) Бахмана – уважаемого и зажиточного человека – сын по имени Сархан. Убили его в перестрелке в Кёрасыгском лесу. Тело завернули в саван и повезли на телеге в их родное село – Гёнчу. Так вот, запряженный в телегу вол околел после этого. Не смог прийти в себя, отощал совсем и помер. Зато кони! Кони совсем другие. Каких богатырей выносили они с поля боя. Никогда не оставляли хозяина истекать кровью, вон какие верные. Либо, понунив голову, несут тело погибшего седока домой, либо же мчатся во весь опор известить о беде. Кони, сынок, настоящие смельчаки. У каждого мужчины должен быть конь, и заботиться о верном друге надлежит, как полагается. Конь должен всецело полагаться на хозяина, а хозяин – на коня, иначе ни о какой дружбе и речи нет!»

Припомнив бабушкины советы, понял Габиб, что беспокойство его верной Гараджи было отнюдь не случайным. Почуввав опасность для хозяина, умная и чуткая лошадь забеспокоилось, оттого и била копытами. Стоило вовремя подоспевшей Рене отвести опасность и уговорить долговязого умалишенного уйти прочь, беспокойство Гараджи как рукой сняло. Паслась она теперь, как ни в чем не бывало. «Так вот, значит, в чем дело. Опасность миновала, и Гараджа тут же успокоилась», – рассудил Габиб.

КОГДА СЕРДЦЕ БЫЛО НЕВРЕДИМЫМ И... ТА САМАЯ ЖЕНЩИНА

На дворе стояла кромешная мгла. Но то ли опыт, то ли чутье подсказывали Габибу, что ночь уже на исходе. «Если тьма сгущается, изо всех стараясь не уступить свои права, значит, до рассвета уже недолго», – рассуждал Габиб. Вдруг на ум ему пришли строки, вычитанные где-то и полюбившиеся со временем: «Только бы вспомнить, кому мог принадлежать тот голос и возглас, и отчего звучали они...»

Горькая усмешка подернула уголки его губ. «Видно, ничего не поделаешь, – подумал он, – придется вновь окунуться с головой в мир сновидений и грез, иначе не распутать змеино-голубка мыслей». Раньше ночной порой сон часто не шел ему в глаза. Зато на рассвете засыпал он сном сладким и безмятежным, после которого усталость как рукой снимало. Самые радостные, яркие и памятные сны видел он именно под утро, когда засыпал так, что пушкой не добудишься.

***

Вот и сейчас задуманное им свершилось. Устав от ночных бдений, на рассвете Габиб задремал, а потом и вовсе уснул сном младенца. Во сне он видел себя. Снилось ему, как мучается он бессонницей, одолеваемый беспокойством и смутными чувствами. Он наблюдал за собой откуда-то сверху, сетуя на свою беспомощность и неспособность выволить самого себя из лап тягостных мыслей и воспоминаний. Видел он, будто...

... Незадолго до этого он залез под одеяло и крепко зажмурил глаза в надежде уснуть, ворочался с боку на бок, но сон всё не шел. Тогда он подскочил и принялся ходить из угла в угол, а потом вновь улегся в постель. Сон представлялся ему извращением от мучительных томлений и возможностью отыскать, наконец, ответ на изводивший его вопрос о том, кому принадлежал таинственный голос в ночи. Он истязал память, напрягал мысли, пытаясь припомнить сцены своей жизни, которые никак не мог, не должен был забыть. А вокруг висела беспросветная мгла, царило безмолвие и бескрайнее одиночество...

И в этой необъятной тишине, которую, казалось, ничто не могло нарушить, он внезапно услышал голос, точно целебный бальзам разлившийся по жилам. Тот самый милый голос, по которому он скучал много лет. Бархатный голос Женщины, что вошла в его жизнь внезапно, подарила огромное счастье и таинственно исчезла, оставив неизгладимый след в его памяти. Чарующий, дивный голос Женщины, которая была воплощением сказки в реальности, увя, закончившейся для Габиба слишком рано, главной героиней сказки на двоих...

Как началась эта сказка, где и почему оборвалась она? Воспоминания о ней приводили Габиба в смятение, бередили душу, растрavляли память, отзываясь тоской и болью в его сердце. Во сне стало для него очевидно, что как ни гнал он от себя многие годы эти воспоминания, пытаясь спастись от горечи потери, как ни путал адреса, чтобы сбить их с толку, как ни бежал от прошлого, все же, смирившись, пришлось ему в итоге выбросить белый флаг. И теперь нашептывал он себе эти сладостные воспоминания, точно делился с кем-то своими душевными переживаниями. Недремлющий Габиб пересказывал спящему Габибу в снах свою историю...

***

...Тогда еще мое сердце не было разбито вдребезги... Я мог с легкостью распахнуть его кому угодно, не то, что нынче, когда оно трескается, будто спелый плод, под занесенным скальпелем хирурга...

Мне предстояла долгая поездка, и я решил встретиться с Ней до отъезда. Она, как всегда, встретила меня у порога. Беседа получилась задушевной. Наша дружба крепла, потихоньку перерастая в пламенные чувства. Наедине мы чаще хранили безмолвие. Наши взгляды были красноречивее всяких слов. В них читалось желание укротить противоборство душ и слиться воедино, обуздав пламень охвативших плоть страстей...

Эта Женщина окрылила меня, подарила весну моим чувствам, раскрывшись благоухающим цветком в моем саду. Мы встречались у меня на даче, которую между собой прозвали Укрытием. Здесь, спрятавшись от людских глаз, мы предавались чувствам. Дачный дом, обнесенный деревянной изгородью, напоминал обветшалую лачугу времен средневековья. Стены дома, утопающего среди высоких, тенистых деревьев, сквозь которые не пробивались солнечные лучи, облупились и отсырели, источая густой, тягучий запах. Но стоило нам появиться, и дом заволакивало духом мечтаний и сладостных воспоминаний. Едва переступив порог дома, та самая Женщина вмиг, что никак не вязалось с ее фигурой, наводила порядок, и начинала она неизменно со старинного серебристого дедушкиного зеркала. Убрав пыль с зеркала, она гляделась в него и улыбалась под впечатлением нахлынувших мыслей. Подолгу стояла она перед бабушкиным черным комодом из орехового дерева, задумчиво глядя на фотографию в модной рамке, привносившей свежую струю в общую атмосферу комнаты. А на фотографии был я четверть века назад, когда мир обуревали лихолетья...

Ее особое внимание к этой фотографии задевало меня. И она, зная, что творилось в моей душе в миг, когда я ревностно выхватывал фотографию из ее рук, улыбалась мне в лицо. По правде говоря, нынешний я любил ее еще крепче. А ей, вероятно, доставляли большее счастье лукавые взгляды, которыми выражала она понимание чувств, терзавших меня, и косноязычие слов, срывавшихся с моих губ. Обычно я легко читал мысли, вертевшиеся в ее голове, и она, как мне казалось, понимала меня без лишних слов. Это душевное родство дарило покой моему сердцу. Главное, в моей жизни была Она – Женщина, озарявшая своим лучистым взглядом мой мир и заронившая искру, в любой момент готовую вспыхнуть пламенем пылких чувств. Порой, сидя на просторной тахте у окна, мы ловили дуновение прохладного ветерка, будто желавшего унять нашу дрожь в объятиях друг друга...

... Сладкая дрёма заволокла ее веки. Так бывало всегда. Подремав немного, она довольно быстро пробуждалась. Но в этот раз она уснула глубоким сном, и я, не дыша, любовался этой дивной красотой. Будто мой неловкий вздох мог разбить всё вдребезги, и цветник, распустившийся на моих глазах, вмиг увял бы. Ее длинные волосы, ниспадавшие волнами по обнаженным плечам, были путами, удерживавшими меня в этой жизни. Я укрыл ее простыней. Выцветшая, поблекшая от стирок простыня некогда успокаивала взор своим небесным цветом. Я привез этот замшелый тюфяк и полинялые простыни из городской квартиры. Выбросить рука не поднялась. С той поры, как в моей жизни появилась Та Самая Женщина, лачуга моя озарилась ее светом и согрелась ее теплом...

Писк птенцов голубей на крыше нарушил царившие вокруг тишину и покой. Маленькие желторотые птенчики, заверещав, возвестили о своем появлении на свет. Когда-то их родителей подарили мне двоюродные братья. В ту пору они были такими же, как теперь их птенцы, хрупкими малютками. Я поселил их на старой полуобвалившейся крыше постройки, прилегавшей к моей лачуге. Довольно скоро обжились они, привыкнув ко мне и к своему новому жилищу. А потом выросли и появилось их потомство. Она тоже любила этих птиц, и всякий раз привозила им корм в избытке. Порой, не брезгуя, она лезла вычищать их жилье, наливала им воды в посуду и тихо пела под их мерное воркование. Она читала в моей душе и, вероятно, во многом поэтому разделяла мою страсть к голубям, так трепетно любила их и чутко заботилась.

Не забыла она о голубях и в тот свой приезд. Только привезла она корма больше обыкновенного и подолгу сидела в голубятне. Да и песня, которую по обыкновению напевала она в такт воркованию птиц, была несколько иной. Грусть-тоска сквозила в этой печальной мелодии. Очевидно, она полагала, что я пойму причины ее состояния, а я... Накормив голубей досыта, она вернулась в наше Укрытие. Свет померк в ее глазах. Понял я, что творилось у нее на душе. Не ускользнуло от меня и то, что она не посмотрелась, как обычно, в зеркало у комода. Только поцеловала и прижала к груди мою фотографию. Окна она тоже решила не открывать. Видно, опасалась, что продрогшее сердце ее еще больше озябнет от сентябрьской прохлады. А может, озноб прошиб ее душу еще до прихода в наше Укрытие.

Это была наша последняя встреча. Я не пытался остановить ее, не упрасивал остаться. Мне лишь хотелось, чтобы знала она о моей любви к ней навеки. Прощальным взглядом обводила она каждый уголок пристанища наших пылких чувств. С тоской глядела на деревья, стены, стол и мою фотографию на комоде, словно стараясь навсегда запечатлеть их в своей памяти. Меня, очевидно, она не причисляла к ним, и напрасно – после разлуки с ней я ничем не отличался от этих замшелых, отживших свой век предметов. Кажется, в тот момент я ощутил, что моё сердце вновь принадлежит мне, поскольку пронзила его свойственная мне щемящая тоска. Пришли на ум строки из песни, которую напевал я ей тихонько, точно колыбельную. Теперь эта песня казалась мне траурным гимном нашей разлуки.

*Ливень хлещет проливной,
Я один, хоть волком вой,
Дом любимой под горой.
Пробужу тебя, дурна,
Поцелуем ото сна.
Кто тебя стрелой пронзил?
Кто арканом полонил?!*

Эти слова оказались пророческими. Мы были теми самыми подбитыми в самое сердце журавлями, которым предстояла горькая разлука. Каждое проведенное с ней мгновение навсегда отчеканилось в моей памяти. Как хорошо, что нам довелось про-

жить их, как хорошо, что мы познали необыкновенное счастье! Мы жили как в сказке, утопая в райских кущах нашей любви. Эгей, мои прекрасные, счастливые деньки! Не дуйтесь на меня!

***

... Габиб вскрикнул и очнулся от сна сладкого, но немного печального. Это он окликал дни свои минувшие, дни счастливые. Проснувшись, он ощутил пелену перед глазами. Слезы навернулись на глаза его. Сон растрогал его, разбередил память. Тоска, зацемявившая в груди и комом подступившая к горлу, покрыла пеленой слез его глаза. Поднявшись с постели, он, по обыкновению, принялся прохаживаться взад и вперед по комнате, а затем налил из графина воды в стакан и одним махом опрокинул его в горло. У него все так полыхало внутри, что один стакан воды вряд ли потушил бы это пламя. Чарующий голос той самой Женщины звенел в его ушах, проникал в самое сердце, а оттуда – по капиллярам закрадывался в мозг, заполняя всё его существо. Воспоминания отступать не собирались.

Когда и где он впервые встретился с той самой Женщиной? Удивительно, он помнил подробности их встреч, а миг знакомства отчего-то словно вылетел из головы. А может, всё потому, что он знал ее очень давно, едва ли не с самого рождения?! Или, может, их души были неразделимы с момента сотворения мира?! Вполне вероятно. Но его одолевало желание восполнить пробелы памяти и припомнить детали их знакомства. Это стало для него необходимою. Может, знакомство завязалось на конференции, где она поразила собравшихся увлекательным и ёмким выступлением? Или на книжной выставке, где увлеченно разглядывал он каждый стенд? А может, после театральной постановки, на дискуссиях, которые виртуозно, в спокойной, рассудительной манере вела та самая Женщина?..

Ох, как хорошо, что память не подкачала! Опасения оказались напрасными – он помнил историю знакомства с Ней, будто случилось всё накануне...

Они познакомились на торжественном открытии памятника прославленному новеллисту. Выступление той самой Женщины впечатлило его, как, собственно, пришлось по душе и всем присутствовавшим. Он будто слышал свои мысли о личности и творческих вехах этого новеллиста, пересказанные вдохновенно и с воодушевлением. Тогда его восхитило и поразило появление человека, чьи мысли настолько перекликались с его собственными. После мероприятия он подошел и поздравил Ее с блистательным выступлением, и она ответила ему чарующей ласковой улыбкой. Да, всё началось с той минуты, когда Она улыбнулась ему. Он был пленен и покорен очарованием ее умных, завораживающих глаз. И этот плен оказался на редкость сладок! Он ощущал, как под этими взглядами разливалась по жилам его живительная нега, колотилось сердце, и ликовала душа.

Габиб пересказывал себе и последующие встречи, голосила его память...

... Мы сидели напротив за овальным столом в просторном зале. Три человека отделяли нас друг от друга. С понятным волнением и трепетом я протянул руку, но сразу же захотел убрать её, и в этот самый момент она тоже выставила руку вперед, и наши пальцы соприкоснулись. И тут меня будто током прошибло. Бешеный электрический разряд вмиг пробежал по всему телу. Наши взгляды встретились, и я понял, что уже не будет как раньше. Я пытался совладать с собой, но терялся под ее обжигающими взглядами. Похоже, она испытывала те же чувства. Ее попытки собраться тоже оказались тщетными. Мы еще долго глядели бы друг на друга украдкой, как вдруг сидевший рядом мужчина выставил локоть и навалился на него всей тушей, загородив обзор. Оказывается, она тайком фотографировала меня и себя. Потом она отправила мне эти фотографии, сопроводив их полушутливой записью: «Помнишь эти лукавые взгляды? Мы смотрели друг на друга украдкой, как два подростка. А рас-терялись-то как!»

«Ты еще ничего, а я просто остолбенел», – написал я ей в ответ и получил в знак одобрения подмигивающий смайлик.

... Однажды я решился позвонить ей. Сердце бешено колотилось и казалось, вот-вот выскочит из груди. Трясущимися от волнения руками я кое-как набрал ее номер.

– Здравствуй, мой ангел. – В ответ послышалось прерывистое дыхание. Она молчала. – Я ничего, нормально, живу мечтой вновь увидеть твое дивное лицо и волшебную улыбку.

Она по-прежнему молчала и только прерывисто дышала в трубку.

– Я очень скучаю по тебе, – наконец произнесла она. – Приеду домой, позвоню по видеосвязи. Так хочется увидеть тебя. Хотя мы едва знакомы, ты кажешься мне очень родным и близким. Жаль, что мы не встретились раньше, лет десять назад.

Тут голос ее оборвался.

– Наши сердца бьются в унисон, как же мы можем быть чужими друг другу... – сказал я.

– Да, это верно. Порой меня раздражают люди вокруг, может, поэтому мы до сих пор были незнакомы. – Тут ее голос задрожал. – Больше мешкать нельзя. Совсем нельзя! – и, помолчав немного, добавила: – Помнишь, я сказала, что еще рано, а ты ответил, что мы и так опоздали, давай не будем больше мешкать. Ты оказался прав. Совершенно прав. Тогда приличия взяли верх, и мой разум заглушил порывы чувств... Напрасно...

– Таков наш удел, мой ангел – мы порознь вместе, одна душа, одно сердце на двоих...

***

Габиб пересказывал казавшиеся сном события своей жизни. Это была сказка наяву. Обычно такие встречи и беседы происходят во сне, а с ними это случилось в реальной жизни. Они пережили сказочные мгновения, которые посчастливится пережить отнюдь не каждому...

До сих пор ему лишь раз, лет десять-двенадцать назад, довелось побывать в крупном торговом центре большого города. Тогда этот центр только начинал свою деятельность. Вот и сейчас он пришел за покупками, как всегда, не один, а в окружении провожатых, непременно сопровождавших его в таких местах. Поднявшись этажом выше, он вскинул голову и увидел Её – ту самую Женщину!

– Боже, какая неведомая сила привела меня сюда, и как Она очутилась здесь?! Надо же, такое удивительное совпадение!

Он готов был кричать от охватившего его изумления. Ведь Та Самая Женщина жила вдали отсюда, в самом сердце большого города. Опешив, она глядела на него удивленными глазами. Поймав его взгляд, Она растерялась и отчего-то начала недоуменно оглядываться. Свет уставившихся на нее влюбленных глаз проник в тайные уголки ее сердца и рассеял всякие сомнения. Узлы, закрепостившие ее разум, распутались и пали сами собой. Нужно было что-то предпринять, чтобы превозмочь неловкость ситуации. И она решилась. Улыбнувшись, она сделала шаг навстречу.

«Добрый день», – произнесла она мягким голосом, и словно рассеялись тучи. Улыбка вновь заискрилась на ее лице.

Габиб кое-как взял себя в руки. Провожатые тут же подскочили и окружили его. Растерянно оглядевшись, он представил их.

– Знакомьтесь, это «Зов», «Прикуси язык» и «Увы»...

Беседа получилась короткой, слова были бессильны перед бурей нахлынувших чувств. В выигрыше опять оказался «Прикуси язык», на щеке которого тут же выступил румянец. Он алел так же, как волнительно дрожащие губы Той Самой Женщины!